

АБИССИНЕЦ 2

СЕРГЕЙ НАСОНОВСКИЙ
СЕРГЕЙ ЩЕРБАТЫХ

На краю Империи (С. Насоновский\С. Щербатых)

Сергей Насоновский
Абиссинец 1889. Том 2

«Автор»

«Автор»

2026

Насоновский С.

Абиссинец 1889. Том 2 / С. Насоновский — «Автор», «Автор», 2026 — (На краю Империи (С. Насоновский\С. Щербатых))

Продолжение приключений кубанского казака Андрея Громова в 1889 году. Он добрался до русской земли. Казалось бы, самое страшное осталось позади: Сагалло, французская петля, Красное море, чужие порты и долгий путь на окраину Империи. Но Уссурийский край быстро дал понять: испытания еще не закончились. Чужая память воина из будущего уже не просто подсказывает, как выжить. Она меняет Андрея, заставляет взрослеть быстрее и помогает искать свое место в мире конца XIX века. Абиссинец — приключенческий роман, основанный на реальной истории. Мы не пишем учебник истории, но стараемся бережно относиться к эпохе. Где-то события и связи могут быть изменены ради сюжета, всё-таки это АИ. Консультант по истории казаков: Павел Андреевич Чехутов

© Насоновский С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Деревня хунхузов	5
Глава 2. Побег из импаня	11
Глава 3. Бао-энь	17
Глава 4. Станица на границе	23
Глава 5. Семья на Усури	31
Глава 6. Станичный Робин Гуд	38
Глава 7. Гостинцы для Любаши	45

Сергей Насоновский, Сергей Щербатых

Абиссинец 1889. Том 2

Глава 1. Деревня хунхузов

Лежа в полумраке сарая, куда меня забросили хунхузы, решив заработать серебра на моей тушке, я размышлял.

Что-то слишком часто я оказываюсь в подобных ситуациях, вроде бы совсем недавно французы готовились вздернуть меня на рее «Метеора», и думалось, что, попав на Родину, я от всего этого оказался далеко.

А вот поди ж ты! Здесь на окраине империи спокойствием тоже не пахнет. Хоть дядя Аркадий меня о том и предупреждал, но столкнувшись со всем этим лично, начинаю понимать, куда меня занесло.

И все же сейчас я воспринимал свое положение спокойнее, чем тогда, в Абиссинии. Не от того, что жить расхотелось. Жить я как раз хотел, и до старости дотянуть тоже был не против. Просто связь с Добрецовым стала проявляться сильнее. Его опыт из будущего не просто всплывал в голове, он менял меня самого. Давал навыки, знание, выдержку, да много еще чего. До обстрела форта Новой Москвы я был одним человеком. Теперь стал другим. Кем именно, черт его знает, время покажет.

Мысли мои прервала головная боль, я прокашлялся, попытался перевернуться на бок. Очень хотелось пить, прям чертовски пересохло в горле.

Порезы, что оставил мне Чжан Фэн, вместе с ушибами ныли и саднили. Садист этот поиздевался знатно.

Приоткрыв глаза, я осмотрел себя. Грязные подранные штаны, рубаха не лучше. Ноги босые, замерзли уже порядком. У стены сидел Илька. Такой же разутый и ободранный, с багровыми отеками на скуластом лице. Грудь у него была перетянута каким-то тряпьем.

Ощупал себя и понял, что хунхузы все же удосужились меня перевязать. Повязки были на голове, груди и правой ноге. Воняло от них знатно, карболкой, кажется, с камфорой впоремешку.

Заметив, что я очнулся, Илька подался вперед. Разбитые губы метиса растянулись в улыбке.

— Очухался, Андрей, слава духам, — выдохнул он. — Три дня без памяти валяешься. Я уж думал, к праотцам собрался.

Я слотнул вязкую слюну и сипло спросил:

— С катера... кто-нибудь кроме нас жив остался?

Улыбка сошла с лица парня.

— Никого, Андрей. Все погибли. Кого в бою посекали, кого после добили. А уж когда в эту деревню приволокли, то еще и издевались.

Перед глазами всплыло лицо матроса Мишки Лосева, на котором Чжан Фэн вымещал ярость перед тем, как приняться за меня.

— Храни Господь их души, — я попытался перекреститься, но руку резануло болью там, где был порез.

— Да чтоб тебя, — выругался я. — Что это за дрянью нас намазали? Карболкой несет за версту.

— Не, Андрей, тут другое. Старуха ихняя, Линь ее зовут, зелье какое-то мешает. Карболку туда, видать, тоже добавляет. Я знаю такую мазь: медвежий жир, красная смола и,

кажется, змеиный корень. Ранам гноиться не дает. Только странно, что ее на нас тратить стали. Да и старую Линь, целительницу, специально притащили.

— Специально для нас?

— Угу. Она далеко отсюда живет, я про нее от стариков слыхал. Чтобы тебя выводить ее и притащили. А еще, когда она тебе раны обрабатывала, амбой звала. Говорила, дух в тебе не человеческий, а звериный.

— Что за бред, Илька? Какой еще звериный? И ты разве по-ихнему разумеешь?

Я закашлялся.

— Немного. У нас в стойбище на зимовке и китайцы останавливались, и корейцы. Тут мы на всех языках помаленьку говорим. Но я сам видел тебя в бою на катере. Со старухой, знаешь ли, согласен. Ты будто зверь дрался. Почитай, четырнадцать хунхузов на тот свет спровадил. В деревне их родня теперь твоей смерти хочет. Если б не лаода, тебя бы уже на ремни порезали.

Он помолчал и спросил тише:

— Где ты так выучился тесаком махать да стрелять, почитай, не целясь? Не видывал такого никогда.

— Батя мой, царствие ему небесное с малых лет учил.

— Угу, угу, — кивнул Илька, чуть прищутив раскосые глаза.

Снаружи раздались тяжелые шаги и злые выкрики. Там начинался спор. Странно, но я и вправду понимал почти все, о чем они говорят. Похоже, знания Добрецова опять делали свое дело.

По голосу я узнал Чжан Фэна. Здоровяк требовал у охраны выдать ему маоцзы, чтобы взыскать долг крови за убитого племянника.

Звякнул железный засов, створка со скрипом распахнулась. Но вместо мстительного бандита на пороге показалась старая Линь, сгорбленная китаянка с морщинистым лицом. Увидев, что я открыл глаза, она ойкнула и визгливо крикнула охраннику:

— Маоцзы очнулся! Передай лаода, маоцзы пришел в себя!

Шаркая ногами, бабка подошла ко мне, зацокала языком и споро принялась менять повязки, обрабатывая раны новой порцией своей вонючей мази. Закончив, так же быстро удалилась.

Как только дверь закрылась, я подполз ближе к Ильке.

— Ну что, братка, хорош прохладиться. Надо думать, как отсюда уходить.

— Тише ты, — зашептал он. — Там за стенкой еще сарай пристроен. Сегодня ночью туда двоих кинули, то ли старатели, то ли варнаки какие. Хунхузы их с золотишком в тайге сцапали. Было трое, но ночью одного прирезали. Для сговорчивости наверно.

Илька подался чуть вперед, понизил голос:

— Так вот, те двое от страха теперь на все пойдут, лишь бы шкуру свою спасти. Так что тсс...

Я не успел переварить его слова, как засов снова лязгнул. На пороге появился давешний щуплый толмач в сопровождении двух хунхузов. Меня подхватили под руки и потащили на свежий воздух.

Первым делом я наткнулся взглядом на Чжан Фэна. Здоровяк стоял шагах в десяти, скрестив руки на груди. Поймав мой взгляд, он медленно провел большим пальцем по горлу. Морда у него и без того была не дружелюбная, а сейчас ее еще и перекосило. Толмач визгливо ругнулся на него, пригрозил гневом лаода. Чжан Фэн сплюнул себе под ноги и пошел прочь.

Пока конвой толкал меня в спину, я примечал, что и как здесь устроено. Деревня хунхузов пряталась на дне глухого распадка. Десяток низких полуземлянок и фанз с дерновыми крышами сливались с тайгой. У костра сидели китайцы и провожали меня ненавистными взглядами. Каждый, похоже, уже знал, сколько их соплеменников недавно погибло от моей руки.

Меня втокнули в просторную фанзу. На шкурах восседал старый лаода с костяной трубкой. На низком столике перед ним лежали мои документы и рапорт капитана Шестакова.

— Мы знать, кто ты такой, Громов, — усмехнулся толмач. — Ты идти в станица Лончаково. К свой крестный, Кравцов. Хороший станица. Богатый.

Он придвинул ко мне склянку с чернилами и перо.

— Ты сейчас сидеть и писать письмо для свой крестный. Если напишешь хорошо, поживешь еще и добра наживешь. Так у вас говорить?

Толмач растянулся в ехидной улыбке.

Я попытался переварить ситуацию. Выходило, эти паразиты хотят отправить письмо Степану Анисимовичу и потребовать выкуп. Но крестный ни сном ни духом не знал, что я вообще где-то в этих краях. Мы с ним даже не виделись ни разу в жизни. О моем рождении батя ему, конечно, писал, но сколько лет назад это было, уж и не сосчитать.

Нет, писать было нельзя. Да и в то, что письмо спасет мне жизнь, я не верил. Я потянулся к чернилам и рухнул прямо на стол, опрокинув склянку. Чернила растеклись по листу. Я как смог, симитировал обморок: обмяк, дыхание почти остановил, тело стало ватным.

На секунду все замолкли. Потом закричал старый лаода, но я понял лишь часть его слов.

— Где старуха?! — чеканил главарь. — Скажи этой черепахе: если маоцзы не сможет стоять на ногах через два дня, я закопаю ее по пояс в тайге рядом с муравейником. А рядом к деревьям привяжу ее сына, невестку и всех внуков, чтобы глядели, как ее жрут заживо. Так и передай!

Меня подхватили и поволокли обратно в сарай. Вскоре туда влетела старая Линь. От ее недавнего спокойствия не осталось и следа. Бабку трясло от страха. Она рухнула передо мной на колени и, всхлипывая, принялась хлопотать.

Лечение больше походило на пытку. Запуганная до смерти, бабка уже меня не жалела. Снова сдирала присохшие тряпки, сыпала в глубокие порезы какой-то порошок. Как потом сказал Илька, это был перетертый сухой мох. Потом опять пошли вонючие мази и ее сердитое бормотание.

Закончив со мной, она переключилась на Ильку. Я лишь частично понимал ее брюзжание.

Потом она притащила горшок с бульоном и деревянной ложкой стала вливать мне его в рот, придерживая голову. От горячего наваристого бульона сил и правда прибавилось.

— После обеда сварю вам еще, — сказала она, скорее Ильке, потому что я по-прежнему изображал беспамятного.

И не обманула. После полудня охранник просунул в приоткрытую дверь две миски с дымящимся варевом.

— Глухарь, — тихо хрипнул Илька, принохаясь. — С можжевельовыми ягодами. Хунхузы такой суп любят.

В этот раз я приподнялся, и вместе с Илькой мы выхлебали все до последней капли. Потом я осторожно потянулся, проверяя тело. Раны еще саднили, но жить можно.

— Добре, со мной все понятно, — произнес я негромко. — Меня как бычка на закляние готовят. А к тебе у них какой интерес?

— Прав ты, Андрей, взять с меня нечего, — вздохнул Илька. — Стойбище наше крохотное, денег у родичей отроду не водилось. Родня моя: дед-шаман да сестренка малая. Вот я и подался к купцу приработать. Надо же сестре на приданое собирать, да и ружье себе хотел.

Он помолчал, глядя в пол.

— Думаю, меня не прибили, чтобы в случае чего на твоих глазах прирезать. Или убивать медленно, чтобы ты поговорчивее стал. Вот увидишь, если упрямиться начнешь, они станут от меня по куску отрезать. Они в этом деле толк знают.

Тишину после этих слов нарушил глухой стук в стену.

— Эге, слышал, по-русски баете. Стало быть, наши, — раздался сквозь щели хриплый простуженный голос. — Эй, хлопцы, чего заглохли?

Илька замер. Я тоже сразу понял, что нас слушали.

— Да не прячьтесь вы эвон там, — насмешливо продолжил невидимый сосед.

— Слыхали мы уж, чё вы по нашему толкуете!

За стеной раздался сухой лающий смешок, больше похожий на кашель.

— Да ладно вам, будет уже. Мы ж теперь одним миром мазаны. Малой, который Илька, я за тобой почитай с самой ночи пригляд держу. А ну-ка присмотришь сюды, ближе к углу.

Илька вопросительно глянул на меня и, дождавшись кивка, осторожно пододвинулся к указанному месту. В узкой щели между тускло блеснул глаз.

— Ну шо, считай, познакомились, — удовлетворенно хмыкнул голос. — А второй чего сидит, будто маку объелся? Ты, казачок, который. Как у вас там? Здорово дневали, Андрей, что ли?

Не дожидаясь ответа, невидимый наблюдатель продолжил:

— Ты, значит, узкоглазых энтих знатно проредил. А с виду и не скажешь: сухоребрый какой-то, кожа да кости. Ладно, давай чин по чину. Гаврилой меня звать, с Вятки я. Для вас можно просто Сипа. Со мной тут Яшка кукует, для вас просто Ягель, он з Тамбовских будет. Но когда это было, почитай, все мы тут уже местные. Ну и за вас теперь тоже знаем маленько.

— Мы тут с Яшкой кумекаем, чё вы в бега удариться хотите, — как ни в чем не бывало продолжил сосед.

Илька нахмурился:

— Ты, Сипа, думать можешь что угодно, то не возбраняется. Только мы с тобой не одним миром мазаны. Ваши каторжные прошлой зимой на наше стойбище налетели, выждав, когда охотники в тайгу уйдут. Рассказать, что они там творили, или сам догадаешься? А теперь ты мне брататься предлагаешь?

Сипа словам Ильки внимания не придал.

— Та погоди ты кипятиться, малой. Мы с приисков, свою каторгу честь по чести отбыли и должок закрыли. Почитай, уже как два года вольные. Рыжье в тайге моем да продаем, а на стойбища мирные сроду не хаживали. Так што не ставь нас в одну упряжь с теми душегубами, што вам жизнь испортили. Ты лучше сейчас глянь, дела у тебя, да и у меня худые. Сам знаешь, чего стоит жизнь твоя нынче. Видел, как эти нелюди уши отрезают?

Он кашлянул и продолжил уже тише:

— Да и товарищу твоему тоже придется несладко, как только за него выкуп ляжет. Шо с выкупом, шо без выкупу, один хрен дорога вам на тот свет прописана. Только сперва в кандалах на прииске кайлом помашете, золотишко помоеете. А как мухи белые полетят, если доживете, конечно, всех под нож. Им зимой лишние рты кормить не с руки.

Я понимал, что этот варнак прав. Примерно то же самое и сам предполагал.

— Ну чё, продолжим нашу сходку обездолженных? — снова заскрипел за стеной смех Сипы.

Я медленно выдохнул:

— Ты, Сипа, раз уж голова работает, говори по делу. Что предлагаешь?

За стеной на секунду повисла тишина. Потом каторжник тихо загоготал, хлопнув ладонью по дереву.

— Ягель, ты чуешь? — сквозь кашель выдавил он. — А хлопчик этот не прост, ой не прост.

Отсмеявшись, Сипа резко сменил тон:

— Казачок, вижу, ты с характером будешь. Но пыл-то свой поубавь. Нам теперь вместе кумекать надо, как на тот берег перебраться. Мы в этих местах все тайные тропы знаем, да

только нужно сперва на них выскочить. А если я правильно слышал, стреляешь ты хорошо и в деле этом дюже пригодиться можешь.

Я молча отломил щепку от доски, кивнул Ильке в дальний угол и, выровняв место на земле, начертал корявые буквы: «Что думаешь?»

— Э, вы чё там творите? План какой малюете? — тут же раздался голос Сипы, и он снова хрипло заржал.

Илька перехватил у меня щепу и, кусая разбитые губы, торопливо вывел на песке: «Сдадут».

Я задумался, а Сипа, словно почуяв наши сомнения, стал выкладывать козыри:

— Я ж чую, робяты, чё вы там мнетесь. Эти манзы косоглазые в нашем каземате бочки старые хранят. По запаху чую, рыбу в них на зиму солят. Так мой Яшка парень рукастый. От тех бочек обруч железный оторвал, об угловой валун до блеска обстрогал да кончик в щели загнул. Выдра знатная вышла! Как время придет, он аккурат железку меж косяком просунет, занозу наружную подтолкнет да засов скинет. Ну и заточку мы из остатка полосы сварганили. Так что ключик и оружие какое-никакое имеются. Но главное даже не в том. Вы на себя посмотрите. Два живых покойника, в одних портках. Кто из вас на весла сядет? На реке течение бешеное, а вы з отбитой грудиной и полсотни сажений не выгребете. А по тайге босиком пойдете? До первых камней? А мой Яшка здоровый, как тот лось. Он один лодку вытянет. Да и обувку, где манзы прячут, мы приметили.

Довод был верным. С переломанными ребрами Ильки и моими ранами грести мы нормально не сможем.

Я подошел вплотную к щели и тихо спросил:

— Мягко стелешь, Сипа. Но на кой тебе тащить с собой двух калек? В случае погони мы ж для вас обузой станем.

За стеной одобрительно хмыкнули, явно оценив прямоту.

— Мы народ простой, Андрей. Нам рыжье нужно или на крайний случай серебро. Судя по тому, что манзы тебя для выкупа держат, за тебя богато дают. Глядишь, у твоей станице мы как-нибудь за твое спасение тоже получим. Как думаешь, казачок? Нам медали не нужны. Нам бы так, чтобы было на чё зиму в тепле прожить. Ну, ударим по рукам али как?

Мне все было понятно. Люди, движимые выгодой, в таких делах часто надежнее тех, кто внезапно предлагает помощь бескорыстно. Я обернулся к Ильке. Тот молчал, но по лицу его видел: веры каторжникам у него нет. Других вариантов, впрочем, не имелось и я ответил:

— По рукам, Гаврила.

— Ну, коли сговорились, слушай сюда, казак, и товарищу своему растолкуй, — Сипа притиснулся к самой щели, и шепот его стал похож на шуршание сухой травы. — Бежать будем в самую глухую пору, перед зарей, когда манзы спать крепко будут. Щас сидим тихо, как мыши в подполе.

— Охрана и собаки? — тихо спросил я.

— Собак у манз всего две, волкодавы лохматые. Они их у фанзы на привязи держат, чтоб чужие не совались. Как вам вечернюю баланду принесут, мясо с костями не жрите. Нас-то мясом не потчуют. Все подчистую сныкайте. Кобелям под нос бросить нужно будет и пока те жрать будут, мы и проскочим.

— А лодки? — спросил я и покосился на свои босые пятки. — И обувь?

— Обувку нашу и вашу, с одежей, они в сарай возле кухни свалили. То я днем видал. Туда бы Ильку надо направить. У него шаг тихий должен быть.

Я посмотрел на Ильку. Он держался, но сломанные ребра давали о себе знать. Поняв мой немой вопрос, парень пожал плечами.

— План верный, Сипа, — негромко произнес я. — Только в тишине у Ильки сейчас может не получиться. Он крепкий, но ребра поломаны. Не до беготни ему теперь.

За стеной понимающе хмыкнули.

— А на этот случай пусть Илька у бабки, шо вам лекарства мажет, настойку цаоу выпросит. Для тебя, мол, от боли спать мочи нет. Корень у них такой, ядовитый. Манзы его на спирту костоправам варят. От цаоу любая боль враз немеет, кости будто примораживает. Будет Илька бегать да горя не знать.

Сипа на секунду затих, потом продолжил:

— Дальше на бате пойдем. Лодка у них такая долбленая, здоровая. Мы заметили, они ее недалече прячут, в заводи камышовой, надо только вытащить. Яшка на весла сядет, да я ему подмогну. Сначала по течению пойдем, а там уже к нашему берегу потянем.

Да еще, глядишь удастся один карабин раздобыть. Так што ты, казачок, на корме сядешь, коль стреляешь хорошо. Будешь назад поглядывать, чтоб спину прикрывать, уразумел?

— Все у тебя складно, Сипа, — негромко ответил я. — Только с охраной не ясно. Слишком много всего на удачу.

За стеной раздался сиплый смешок.

— С охраной разберемся, не бойся. Ночью один стражник остается, он у костра греется. Вот его Яшка тихонько прирежет, а карабинчик приберет. Без фарта, казачок, нам тут правда не обойтись. Так што будем выбиратья и надеяться на удачу.

Я прикрыл глаза, обдумывая услышанное, понимая, что план Сипы держится на соплях, но выбор черт возьми и правда не было.

— Добре, — глухо сказал я. — Других вариантов все равно нет. Станем пробовать.

Спустя час засов на дверях сарая тяжело закрипел. На пороге возникла сгорбленная фигура китайской бабки. В руках у нее было чистое сукно и склянка с вонючей мазью. Следом охранник занес миски с супом, поставил подле нас и остался на пороге.

Старуха молча опустилаь на корточки сперва возле меня, меняя тряпки на ранах, потом пересела к Ильке. Он тихо зашипел, когда ее пальцы коснулись ребер. Караульный отвернулся к костру, и Илька, едва шевеля губами, попросил настойку цаоу. Для меня, чтобы опять от боли в беспамятство не провалился, а то бандиты с нее же и спросят.

Бабка недовольно фыркнула, прервав его на полуслове. Потом что-то отрывисто забормотала, качая головой. Смысл я понял сразу: настойки мало, да и нам такое не положено.

Я чуть подвинулся и негромко сказал:

— Илька, переведи ей. Скажи, что без нее опять свалюсь от боли, а муравейников в тайге много. Она поймет.

Илька удивленно вскинул брови, но тут же перевел.

Взгляд бабки изменился мгновенно. Руки задрожали. Старуха резко поднялась, сердито прошамкала что-то себе под нос, подхватила снадобья и спешно вышла.

Мы с Илькой переглянулись. Ночь предстояла не из легких. Без этой настойки Ильке будет совсем худо, а побег превратится в чистую авантюру.

Прошло около двух часов. Уже стемнело, когда у двери снова послышались шаги. Старуха вернулась и сердито объясняла караульному, что у нее приказ лаоды выходить нас, потому раны надо обработать на ночь.

Хунхуз нехотя уступил. Засов отодвинулся, бабка вошла. Прошла мимо Ильки, не взглянув на него, опустилаь рядом со мной, будто поправляет повязку. Широкие рукава коснулись земли.

Едва заметным движением она вытащила из складок одежды маленькую склянку и сунула мне в руку. Через пару минут уже выходила, оставляя нас одних.

Я протянул склянку Ильке. Если это и правда сильное обезболивающее, то у нас появился шанс спастись.

Глава 2. Побег из импаня

Ожидание было долгим. Ночью похолодало, несмотря на май, тайга как-никак. Если днем солнце уже грело, то ночью сырость и холод в этом распадке пробирал до костей.

Я осторожно придвинулся к стене, через которую мы переговаривались с Сипой, и тихо поскреб ногтем по доске.

— Сипа, спишь там? — едва слышно позвал я.

За стеной зашуршали.

— Який там сон, казачок. Околеть можно, чуть дуба не дали, — просипел он. — Шо у вас?

— Бабка зелье все-таки принесла. Цаоу, кажись, — шепнул я.

Повисла пауза, а потом раздался шепот Богдана:

— Ты погодь радоваться, казачок. Манзы народ хитрющий. Может, старая вам яду какого подсунула. Ну-ка, поднеси сюда. Понюхать трэба. Оно вонючее, я зараз пойму.

Я вытащил деревянную пробку из склянки, из нее тут же пахнуло спиртом и резкой травяной горечью.

— Нюхай. Как по мне, мерзость какая-то.

Подставил горлышко к щели. Сипа шумно вдохнул раз, потом еще.

— Ты гляди-ка, не объегорила старая, — воодушевился он. — Вот те крест, Андрюха, це воно и есть. Но пить все одно не спешите. Ты плесни чутка Ильке на ушиб. Ежели то цаоу, он вмиг скакать будет, яки русак.

— Илька, давай.

Метис молча вытянул ногу с воспаленным кровоподтеком. Я капнул из бутылки прямо на ушиб и растер ладонью. Прошла минута, другая. Илька удивленно глянул на ногу, потом на меня.

— Не болит, Андрюха. Совсем не болит.

Я снова прильнул к щели.

— Работает, Сипа, будто заморозило.

— То-то же, — едва слышно просипел Богдан. — Зараз ждем. Когда Яша засов ковырять начнет, я дам знать. Тогда отмерь Ильке пять капель прямиком в горло. Больше не лей, а то сердце екнет. Все, ховайтесь покуда.

За стеной послышалась возня. Потом Сипа добавил:

— Постучу два раза, як время приде.

Я подобрался к стене, выходявшей во двор, и приник глазом к расщелине. У тлеющего костра сидел один хунхуз, кутался в стеганую телогрейку и прихлебывал что-то из деревянной плоски. На коленях у него тускло поблескивал ствол старой берданки.

«Оружие у этих бандитов, похоже, сплошь трофейное. Эх, а как жаль своих винтовок с канонерки... Ну да теперь не до жиру».

Время тянулось очень медленно. И наконец дождались, по стене глухо стукнули два раза.

— Илька, пора, рот разевай!

Я зажал край горлышка пальцем и сцедил ему примерно пять капель настойки. Он покатали их на языке, сглотнул и замер.

— Ну? Как?

— Работает, кажись. Боль уходит помаленьку. — Илька глубоко вдохнул. — И дышать стало легче. Готов я, Андрей, готов!

Снаружи раздался тихий царапающий звук металла. Следом лязгнула отодвигаемая засов. Дверь соседнего сарая чуть скрипнула. Этот звук услышал не только я.

Смотрю в щель и вижу, как хунхуз у костра подымается, берет берданку и осторожно двигается в сторону сараев.

Что происходит у соседней двери, я видеть не мог, но по звуку понял, что хунхуза вырубили и затащили внутрь. Яшка сработал как надо. Китаец не успел ни вскрикнуть, ни поднять тревогу.

Через пару секунд засов на нашей двери скользнул в сторону. Створка отворилась, и Илька бесшумно метнулся к кухне. Гольд двигался мягко, словно тень.

Я стоял у приоткрытой двери рядом с Сипой и смотрел, как на пути Ильки поднялись два огромных волкодава. Цепи брякнули металлом. Илька бросил им куски мяса, что мы еще вечером выловили из своей похлебки.

Один пес жадно вцепился в приманку. Второй подачку проигнорировал, прижал уши и оскалился. Пока только глухо рычал, но, если бы эта тварь зашла лаем, нам всем была бы крышка.

Илька не отступил. Чуть присел, медленно подался навстречу собаке, растопырил пальцы, словно когти, и издал странный звук, похожий одновременно на шипение и волчий рык. Матерый волкодав продержался еще пару мгновений, потом вдруг заскулил, попятился и скрылся в будке.

Через пару минут Илька вернулся и бросил на холодную землю четыре пары чужих сапог. Мы торопливо натянули их. Мне достались на размер, а то и на два больше. Хорошо, у старухи-лекарки удалось умыкнуть тряпок. Намотал их на ноги, иначе далеко бы не ушел.

Едва мы углубились в кустарник, как прямо передо мной из темноты вырос маньчжур. Думать и анализировать времени не было, пришлось действовать сходу.

Я выбросил правую руку вперед, вбив костяшки в кадык. Хунхуз захрипел, схватился за горло. Еще для верности пробил ему двойку в живот, и тот стал заваливаться на землю.

Яшка, оказавшийся рядом, ударил ногой по голове, прилетело ему не хило. Может, очухается, а может, и нет.

Я быстро обшарил хунхуза и поднял с земли однозарядный Маузер, как мне подсказала память Добрецова. Вот с патронами была труба, всего один в стволе и три в кармане.

— Ну ты дал, — прошипел Сипа, хватая меня за плечо. — Давай бежим уже. Ничего у него боле нет.

За спиной, со стороны костра, раздался крик. Похоже, кто-то наткнулся на тело хунхуза в сарае. Форы по времени у нас почти не осталось.

Мы рванули сквозь кусты к реке, и кто на заднице, кто кубарем скатились по скользкому глинистому обрыву к привязанным на берегу оморочкам.

Яшка бросился к ближайшей лодке и навалился на нее всем весом, пытаясь столкнуть в воду. Но, как назло, вытащили их на берег почти целиком. Я смотрел на верх и уже скоро на краю обрыва мелькнули первые силуэты хунхузов. Не дураки, поняли, куда мы рвемся, и уже орала остальным. Минута-другая, и тут будет вся банда.

Я ждать не стал. Приклад уперся в плечо. Выбрал цель и нажал на спуск.

Маньчжур, вскидывавший было винтовку в нашем направлении, будто оступился и полетел вниз с обрыва. Почти сразу нам ответили двумя выстрелами. Одна пуля высекла искры из камня возле моей ноги. Вторая достала Яшку.

Здоровяк, толкавший лодку, нелепо вскинул руки, даже попытался выпрямиться, но куда там. Пуля вошла аккурат промеж лопаток, и он начал оседать прямо на берег.

Я перезарядился, чуть замешкавшись. Оружие было незнакомое, хоть по принципу от берданки не сильно отличалось. От второго выстрела на обрыве сложилась пополам еще одна темная фигура. Кажись, там остался только один. Но это ненадолго, подмога уже скоро поспеет.

Снова перезарядил винтовку. Один патрон в стволе и один в запасе, больше нет.

Выстрел хунхуза ударил в борт лодки рядом с Сипой. Я попытался выцелить стрелка по вспышке, но тот дураком не был и откатился в сторону. Хотел забрать карабин у малоросса, подумал, что у него патронов всяко больше. Я прикрыл бы нас, пока Илька с ним будут стланиваться оморочку в воду.

— Все, казачок, правила меняются! — надрывно выкрикнул Богдан.

Я повернулся и увидел дуло карабина, взятого у охранника. Сипа направил его прямо мне в лицо.

— Теперь жизнь дороже серебра, извиняй! А ну, руки на виду держи, шоб я бачил!

— Ах ты ж сука, — сплюнул я.

До него шагов пять. На рывок не успею. Да и Илька стоит сбоку. Богдан вмиг может перенести ствол на него.

А Сипа уже надрывал связки, орал, что поймал беглецов и хочет сдать их лаоде.

Впрочем, предательство для него самого ничего не поменяло. Не прошло и минуты, как хунхузы, вооруженные кто чем, стали скатываться с обрыва к нам.

«Все, амба. Тушите свет», — успел подумать я.

Потом мне прилетел удар прикладом под дых. Воздух вышибло разом. Нас заломали, связали и потащили обратно.

Скоро я уже лежал на холодной земле перед навесом лаоды, освещенным костром, и смотрел, как Сипа ползет к ногам старика, бормоча оправдания.

Когда до расшитых сапогов лаоды оставалось около сажени, двое стражников брезгливо схватили Богдана за шиворот и потащили обратно, к нам с Илькой.

— Панычу хороший, пощади! — истошно заголосил Сипа, срываясь на хрип. — Я все покажу! Тайный прииск золота в тайге знаю. Хутор один покажу, где девок много. Служить тебе буду! Меня заставили. Вон эти! Не хотел я бежать! Это казак и гольд, да Яшка, истинный крест! Не губи!

Старик выслушал эти жалкие мольбы без всякого интереса. Лицо его осталось холодным. Лаода бросил фразу подручным и лениво откинулся на шкуры. Щуплый толмач оскалился, предвкушая зрелище.

— Большой лаода говорить: предатель всегда продавай будет, твоя язык сладко петь, — с удовольствием перевел он, подходя ближе к скулящему Сипе. — Сегодня ты своя брат продал, завтра наша продавай будешь. Ты бешеная собака. Значит, сдохни как шелудивая пса.

По жесту лаоды два крепких хунхуза навалились на Сипу и заломили ему руки за спину. Из толпы вышел третий. В одной руке у него был плотный джутовый мешок. Внутри что-то дергалось и попискивало.

Богдан понял, какую смерть ему приготовили. Из его глотки вырвался скулящий вой, но хунхузы не обратили на то внимания. Его рывком положили животом на бревно.

Мешок развязали. Несколько здоровых крыс вытряхнули в большой глиняный горшок. От мерзкого писка грызунов меня аж передернуло.

Голову Сипы сунули в тот горшок, сверху накинули мешковину и туго завязали.

Крик был такой, что даже несколько хунхузов поморщились.

Мы с Илькой молча смотрели, как наш недавний напарник выгибается дугой. Деться ему было некуда. Двое хунхузов держали крепко.

Казнь тянулась долго. Слишком долго. Когда Сипа почти перестал дергаться, лаода коротко приказал заканчивать.

— Большой лаода жалеть твоя, — торжественно объявил толмач в наступившей тишине. — Твоя мука закончен.

Огромный Чжан Фэн все это время стоял в стороне, будто происходящее его не касалось. Теперь он сделал широкий шаг к затихшему телу, отвязал мешок с головы Сипы, приподнял ее и одним движением перехватил горло, окончательно обрывая тому жизнь.

Щуплый толмач угодливо закивал, показал пальцем на мертвого Сипу, а потом повернулся к нам.

— За кровь наша твоя плати будет много, — с издевкой выплюнул он. — Но Большой лаода умный. Твоя жизнь дорого стоит, пока не убивать. Чжан Фэн твоя пятка жила ножом резать, а потом ты письмо писать и до выкуп ползать будешь. Зато в тайга бегать больше не думай.

По его команде двое мордovorотов навалились на меня и вдавили в землю. С ног стащили сапоги, ступни жестко зафиксировали. В паре шагов то же самое проделывали с Илькой. Метис рычал в бессильной ярости, понимая, что после такого его жизнь не будет стоять и ломаного гроша.

— Андрей... я им живым так просто не дамся! — затравленно шипел гольд, извиваясь и пытаясь дотянуться зубами до руки державшего его хунхуза. — Глотки рвать стану, но не дамся!

Чжан Фэн неторопливо двинулся ко мне. Опустился на одно колено у моих ног и ухватил за лодыжку. Пяткой я почувствовал холод стали. Стиснул зубы, готовясь к боли, и повернул голову в сторону этого изверга.

Но тот не торопился. Наслаждался, что может исполнить месть вот так. Чжан оскалился, занес тесак, готовясь сделать надрез, но лезвие так и не опустилось.

Наказание прервал слитный залп из леса.

Голова моя как раз была повернута к тайге, и я разглядел двадцать, а может, и больше вспышек.

Пара хунхузов рухнула сразу. Мордovorот, державший меня, осел и опрокинулся прямо сверху. Его туша придавила меня к земле. На голову и шею тут же хлынула горячая кровь.

Грянули новые выстрелы. Еще один хунхуз глухо охнул и рухнул рядом, и хватка на моей ноге ослабла.

Над импанем взметнулись крики:

— Нападение! К оружию!

Но оборону хунхузы организовать уже не успевали. Из тайги с диким многоголосым воем вывалилась толпа. Прямо у моей головы пробежали несколько ног. Загремело железо. Стреляли с обеих сторон, но все быстро смешалось в одну большую свалку.

Пороховой дым, запах крови и гарь от разнесенного костра забили горло.

Я напряг все силы, столкнул с себя тело хунхуза и перекатился на бок. Приподнялся и увидел, что вокруг творится суший ад. В отблесках горевших фанз металась тень. В пяти шагах от меня один из налетчиков рубанул наискось замешкавшегося молодого хунхуза. Другой молча добивал копьем раненого, лежавшего на земле.

Это был не налет ради добычи. Другая банда пришла вырезать конкурентов подчистую.

Пленных пока никто брать не собирался. Я лежал со связанными за спиной руками и понимал, что любой из этих чертей может походя ткнуть копьем или мечом, даже не разбирая, кто я такой.

Илька в этот момент вывернулся из-под тела хунхуза и стал откатываться к тесаку, оброненному одним из наших палачей. Упал спиной на лезвие и начал ерзать, стараясь попасть веревкой на острую кромку.

Секунда, другая. Пути на его руках ослабли. Илька освободился и метнулся ко мне, без слов полоснул по веревке, стягивавшей мои запястья.

Я не успел даже спасибо сказать, как Гольд уже рванул к псам.

Огромные волкодавы, захлебываясь лаем, рвались с цепей. Илька дернул за хитрые крепления на ошейниках, и собаки оказались на свободе. Одного он успел схватить и прижать к себе. Второй примостился рядом. Мне показалось, что гольд что-то шепчет им, объясняет. Волкодавы на миг замерли.

Я выдернул нож у лежащего рядом хунхуза. Ему он больше без надобности. Поднялся на ноги и крикнул:

— Илька, пора уходить!

Парень обернулся, но ответить не успел. Прямо на него неслись два разъяренных хунхуза с занесенными клинками.

Илька выкрикнул что-то короткое, и два волкодава сорвались с места. Огромные мохнатые туши влетели в нападавших. Первый чужак рухнул от удара, выронил меч и теперь бестолково пытался отодрать пса, вцепившегося ему в горло. Второй волкодав валял на земле другого, крепко схватив за предплечье.

Я почти добежал до Ильки, когда справа раздался выстрел. Один из обороняющихся хунхузов стал заваливаться навзничь. Я успел перехватить винтовку, выпавшую у него из рук.

— Вот же ж черт, вот так встреча, — выругался я и невольно усмехнулся.

Это оказалась моя бывшая винтовка Лебеля с трубчатым магазином. Видать, досталась этому бандиту при дележе трофеев.

С патронами, правда, было негусто. По карманам нашел четырнадцать штук. Еще шесть оказалось в магазине, но и то хлеб.

Передернул затвор, приклад привычно уперся в плечо. Первую цель долго искать не пришлось.

Со стороны горячей фанзы вынырнул китаец, тащивший за собой девчонку лет одиннадцати-двенадцати. Она кричала, пыталась вырваться. Платок съехал с ее головы, и на плечи упали светлые волосы. Черты лица и глаза ясно говорили, что она не местная. Скорее всего, увели в полон во время какого-то набега на одну из приграничных станиц или хуторов.

Бандит нагнулся, собираясь закинуть девчонку на плечо. Я целился в корпус, чтобы наверняка, но он как раз дернулся вниз, и пуля угодила ему в голову.

Девчонка поняла, что хватка ослабла, юркнула под навес ближайшей фанзы и растворилась в темноте, скрываясь от шальных пуль.

Тем временем бойня распалась на несколько рукопашных схваток. Огнестрел отошел на второй план. В ход пошли ножи, тяжелые топоры, копья и китайские клинки.

Лаода, который до этого пытался удержать хоть какое-то управление своей толпой, выхватил из-за пазухи револьвер. Со своих шкур он уже давно поднялся и кажись теперь пытался как мог изменить ситуацию.

Но нападавшие, смяв первые ряды, добрались до него. Лаода успел дважды нажать на спуск, вроде даже кого-то зацепил, после чего получил заряд в грудь из ружья.

Его отбросило назад, к шкурам. На этом жизнь вожака местных бандитов закончилась.

— Лаода мертв! Убили! — истошно завопил еще недавно ухмылявшийся толмач.

Уцелевшие хунхузы, потеряв предводителя, начали откатываться с боем в один конец деревни. Огрызались яростно, пытаясь выстроить круговую оборону.

Огромный Чжан Фэн, еще недавно собиравшийся резать мне жилы, теперь отчаянно отбивался от налетчиков. Его широкий нож-дао со свистом рассекал воздух. Но здоровяк то ли оступился, то ли поскользнулся, от чего рухнул на спину.

Над ним с гортанным воплем вырос чужак с мясницким тесаком. Не знаю, почему я это сделал, но перенес прицел и выстрелил.

Чужак выронил тесак и схватился за бок.

Чжан Фэн своего шанса не упустил. Не поднимаясь с земли, подался вперед и по рукоять вогнал клинок в живот оседающего врага.

Потом огромный китаец поднялся, тяжело хрипя. Вытер кровь с лица рукавом, внимательно глянул на меня и рванул на подмогу своим.

Он орудовал клинком мастерски. Успел вывести из строя троих противников, когда со стороны обороняющихся донесся крик. По всему выходило, что это их боевой клич.

Уцелевшие хунхузы после смерти прежнего хозяина было дрогнули, но теперь Чжан Фэн рвал противников одного за другим, и у них снова появилась надежда. С диким воем они ринулись к нему.

На меня со спины бросился рослый бандит с копьем. Вовремя разглядеть его я не успел. Стрелять было поздно. Я лишь выгнулся, пропуская выпад мимо ребер, схватил левой рукой древко и потянул на себя.

Копейщик оказался не особо опытным. По инерции он провалился вперед. Тут подскочил Илья и рубанул его тесаком по спине. Хунхуз стал заваливаться на землю.

Долго эта мясорубка продолжаться не могла. Налетчики рассчитывали вырезать сонный лагерь и взять легкую добычу, а наткнулись на поднятый двор, кровь и сопротивление.

Когда Чжан Фэн одним ударом свалил очередного их крикуна, над двором разнеслись панические выкрики. Чужаки побежали. Они спотыкались о трупы, скользили в кровавой грязи, бросали оружие и с воплями растворялись в темной тайге.

Шум битвы стих, во дворе импаня были слышны лишь стоны раненых. Хунхузы начали организовано добивать врагов и оказывать помощь своим.

Нам нужно было уходить прямо сейчас. Но мы оказались в самом центре разворошенного улья.

Я только успел об этом подумать, как увидел, что в нашу с Илькой сторону идут два хунхуза в окровавленной одежде, с китайскими мечами в руках.

Я перехватил винтовку, передернул затвор. Мы с Илькой встали рядом. На всех патронов у меня точно не хватит, но проредить этих бандитов из Лебея я смогу, конечно: если сразу не прибьют.

Я уже начал поднимать ствол навстречу прущим китайцам, когда со злобным рыком дорогу им преградили два волкодава. Шерсть на загривках вздыбилась. Оскаленные пасти не сулили ничего хорошего любому, кто решит приблизиться.

Глава 3. Бао-энь

Два хунхуза с окровавленными дао замерли, глядя на оскаленных волкодавов. Псы стояли перед ними как вкопанные, готовые рвануть в любую секунду. Я держал карабин наготове, но уже понимал, что если сейчас сорвемся в новую бойню, нас тут же поднимут на копыя.

— Илья, уйми собак. Довольно. Иначе вместе с ними тут и поляжем.

Он бросил на меня отчаянный взгляд. Расклад он понял не хуже моего. Коротко свистнул и гортанно гаркнул:

— Индасал! Симчиэмсу!

Волкодавы перестали рваться вперед, но шерсть на загривках у них по-прежнему стояла дыбом. Нехотя, пятась, они отошли к своей конуре.

Хунхузы тут же взяли нас в кольцо.

— Бросать оружие, маоцзы! — визгливо заорал толмач, вынырнув из-за их спин. — На землю! Быстро!

Я разжал пальцы. Мой «Лебель» с глухим стуком упал в грязь. Илья швырнул тесак под ноги. Нас мгновенно скрутили и поволокли обратно к печально знакомому сараю.

— Твою ж мать... — прошипел я сквозь зубы.

Порезы и ушибы сразу отозвались болью. В бою я про них успел забыть, а теперь все вернулось как-то разом. Голова раскалывалась, напоминая про удар кистенем по многострадальной башке. Рядом тяжело втягивал воздух Илья. Настойка старой Линь, на время притупившая боль от сломанных ребер, уже престала действовать. Теперь каждый шаг давался гольду большим с трудом.

— Илья, ты что собакам крикнул?

— Успокоиться велел, Андрей. Эти псы, по всему виду, еще щенками со стойбища угнаны. С такими волкодавами только гольды по-настоящему управляться могут. Не место им тут. Собаки это и сами чувствуют.

Я подполз к стене и приник к щели между досками. Илья пододвинулся ближе и замер рядом.

Во дворе импаня хунхузы заканчивали собирать тела убитых. С чужаками-налетчиками не церемонились. Раздевали до нитки, волокли к воротам и грузили на телеги штабелями, как бревна.

— Куда они их? — шепнул я.

— В тайге в овраг сбросят. На корм зверью. По их вере, неприкаянные души чужаков потом по тайге выть будут да за живыми охотиться. А своих, гляди, как обхаживают.

И правда. Под навесом выжившие хунхузы бережно укладывали убитых товарищей на чистые доски. Обмывали от крови и грязи, закрывали лица пожелтевшей бумагой.

У одного мертвеца за посиневшими губами тускло блеснул медяк.

— А монеты зачем в зубы суют?

— Ханькоу, — прошептал Илья. — Дорожные деньги. Чтобы подземный судья на тот свет пустил. У них и там, Андрей, все почти как у живых: законы, стража, судьи. Без платы мертвец до суда не дойдет. Останется бродячим духом между миром живых и мертвых.

Посреди импаня на небольшой алтарь водрузили медную чашу. Из нее чадили благовония. Над алтарем, на двух древках, трепыхалась большая холстина. С нее на двор хмуро взирал грозный старец с седой бородой, в зеленых одеждах.

— Гуань Ди, ихний бог войны, — тихо сказал Илья. — Сейчас нового лаоду на кровь венчать будут.

— А мертвые? — я покосился на навес. — Почему сперва не схоронят?

— Нельзя. Импань сейчас как змея без головы. Сначала хозяина выбрать надо. А мертвые подождут, некуда им спешить.

Выжившие хунхузы выстроились плотным полукругом. В стороне от толпы, у деревянной бадьи, здоровенный Чжан Фэн смывал с широких ладоней чужую кровь. Закончил, стяхнул воду и неторопливо пошел к алтарю.

Вперед вышел толмач. В руках он держал петуха, тот отчаянно бил крыльями. Коротко блеснул нож. Голова птицы упала на землю, а темная струя крови ударила в широкую деревянную пиалу, доверху наполненную ханшиной, ихней водкой.

Чжан Фэн шагнул ближе и принял пиалу из рук толмача. Поднял ее над головой, обращаясь к богу войны. На миг во дворе стало тихо. Потом китаец припал к краю, сделал несколько больших глотков и выплеснул остатки багровой жидкости перед алтарем.

Толпа взревела. Не просто радостно, а с какой-то одержимостью. Импань принял нового лаоду.

Но ритуал еще не закончился.

Из соседнего сарая, где недавно сидели Сипа и Яшка, вытащили двух пленников. Тех самых налетчиков, что не успели уйти в тайгу. Ударами по ногам их поставили перед Чжан Фэном на колени.

— Теперь, как полноправный вожак, он должен принести жертву духам павших, — прошептал Илька.

Новый лаода взял у подручного широкий дао. Два резких взмаха, и головы пленников покатались по земле. Импань снова содрогнулся от криков.

Я отпрянул от стены и сел на циновку.

— Все, Илька. Чжан Фэн нас не пощадит. Теперь власть у него в руках. И шанс поквитаться с нами он не упустит. Никакой выкуп уже не спасет.

Илька посмотрел на меня с отрешенным спокойствием.

— Да, Андрей. Духи предков, похоже, уже ждут нас с тобой. Хорошо хоть попробовали. Не будь Сипы, может, и вышло бы у нас.

Я смотрел на него и думал о том, что это последний человек, с которым я могу поговорить перед смертью. В какой-то мере я рад, что сейчас рядом со мной оказался именно он.

— Ты хоть и не казак, Илька, но я бы хотел, чтобы у меня был такой брат как ты.

Он поднял на меня карие глаза. Страх в них не было. Только спокойствие. Даже боль будто отступила.

— У нас, таких называют «анда», тихо сказал гольд. Побратим, по-вашему. Тот, с кем души связаны крепче чем кровное родство. Когда шаман будет петь над рекой, он назовет наши имена. И мы встретимся в Буни, в царстве мертвых, где нас не достанет ни один враг.

Я подвинулся и обнял его, стараясь не задеть сломанные ребра.

— Ты славный воин, Андрей...

Илька хотел добавить еще что-то, но в этот миг лязгнул засов. В сарай один за другим вошли четверо хунхузов.

Нас выволокли на лобное место. Земля там еще не успела просохнуть от крови казненных налетчиков. Новый лаода возвышался на знакомом постаменте, застеленном шкурами. Лицо у него было каменное. Он посмотрел на нас и поднял руку, собираясь отдать приказ.

Во мне закипала кровь. Злость, бессилие, жажда хоть напоследок вцепиться кому-нибудь в горло. И снова из глубины прорвался холодный голос Добрецова.

Мой взгляд остановился на стражнике рядом. В руках у него был тесак. Единственное оружие, до которого я мог сейчас дотянуться. Если вырвать его, ударить в шею, уйти под второго...

Дальше, скорее всего, нас изрубят. Но хотя бы не на коленях, а в бою.

Я уже напрягся, но взгляд зацепился за толмача. Тот метнулся к Чжан Фэну и вцепился ему в рукав. Быстро зашептал на ухо, тыча в мою сторону кривым пальцем.

Подходящий миг. Надо действовать.

Я едва дернулся, но голос Добрецова внутри будто прижал меня к земле, мол не спеши.

Шансы и так были мизерные и я его послушал.

Чжан Фэн рывкнул на толмача и оттолкнул его, но тот не унимался. Уже громко, почти с надрывом, повторял:

— Бао-энь! Бао-энь!

Лаода сплюнул под ноги, выкрикнул что-то толмачу и резко отвернулся. Потом зашагал к своей фанзе.

Хунхузы, собравшиеся на судилище, ошалели от такого поворота. Стояли молча, ожидая, чем все закончится.

Толмач поднялся, натянул на лицо мерзкую улыбку и подошел к нам.

— Маоцзы! — громко начал он, чтобы слышала вся банда. — Твоя слушать внимательно. Наш великий лаода человек чести. Он чтит древний закон бао-энь. Долг благодарности. Жизнь за жизнь. Сегодня твоя убил врага, который хотел отрубить голову нашему лаода. Твоя спас ему дыхание. Лаода не может убить того, кто сохранил ему жизнь. Иначе духи проклянут его, удача отвернется от импаня.

Он еще что-то говорил, но я слушал вполуха. Мысленно благодарил Добрецова, который вовремя остановил мою дурную попытку.

Толмач продолжал оглашать решение Чжан Фэна:

— Долг крови исполнен. Вас идти на другой берег Уссури. Но запомнить, маоцзы и гольд: бао-энь один раз. Если твоя тень снова упадет на нашу тропа, вас убить. И резать долго. Понял?

Я кивнул. Что тут скажешь? Стечение обстоятельств спасло нам жизнь. Или хотя бы дало еще один шанс и упускать его я не собирался.

По распоряжению толмача нам швырнули старые сапоги и два дырявых зипуна с запекшейся кровью. Видать, сняли с покойников. Один из бандитов бросил к моим ногам охотничий нож в потертых деревянных ножнах.

— Бао-энь, — повторил толмач, указывая на нож. — Все. Ваша убираться отсюда.

Под прицелом пятерых конвойных нас погнали к реке. Шагать было тяжело. Раны кровили, Илька на каждом шагу с трудом втягивал воздух. Но мы шли. И на наших разбитых мордах, как ни странно, появилась улыбка.

У самого берега маньчжуры грубо спихнули нас на дно широкого тяжелого бата, длинной лодки, выдолбленной из цельного кедрового ствола. Двое провожатых встали на носу и корме, ухватив тяжелые весла.

Весна на Уссури пора суровая. Река, скинув лед, неслась мощным мутным потоком. Крутила воронки, тащила коряги, вырванные с корнем деревья, серую пену. Ветер пробирал до костей, швыряя в лицо ледяные брызги.

Бат подхватило течением и понесло вниз. Гребцы, широко расставив ноги, налегали на весла. Жилы на шеях у них вздулись от натуги. Они держали лодку наискось, заставляя саму реку гнать нас к русскому берегу.

Главное было не дать воде развернуть бат поперек волны. Чуть зазеваешься, и лодку перевернет вверх дном. А на такой воде спастись не просто трудно, почти невозможно.

Волны били в низкие борта, вода захлестывала внутрь, холод насквозь пробирал через нашу и без того драную одежду. Я сидел на дне, стараясь лишней раз не шевелиться. Прижимал к груди выданный нож и смотрел на маньчжурский берег, где остался хунхузский импань.

Выжили в этой кровавой резне и слава Богу.

— Живы, анда... — простучал зубами Илька. — Живы.

— Живы, Илька, — ответил я, глядя, как в серой дымке вырастает спасительный русский берег Уссури. — Повеюем еще, братка.

У самой отмели кормовой резко стал разворачивать бат носом против течения. Лодка погасила ход и ткнулась в камни. Маньчжуры, не говоря ни слова, тычками весел вытолкали нас в ледяную воду.

Сами тут же оттолкнулись, уводя бат обратно на китайскую сторону.

Мы с Илькой остались одни на узкой полоске земли. Холодный ветер бил в лицо. Мокрая одежда липла к телу, вытягивая последние остатки тепла.

— Ну вот мы и дома, — проговорил я, стуча зубами. Оглядел тайгу, вплотную подступавшую к берегу. — Что дальше, Илька? Понимаешь, где мы? До станицы лесом дойдем?

Метис тяжело задышал, держась за грудь. Окинул взглядом изгиб реки.

— Места понимаю. Но пешком не дойдем. До станицы отсюда верст тридцать, не меньше. Я с такими ребрами по бурелому не ходок. Да и ты крови много потерял. В тайге мы сейчас верную смерть сыщем. Надо проходящий катер или пароход ждать. Найти стоянку недалеко от реки, чтоб с китайского берега нас не видали. Мало ли хунхузы передумают.

— Твоя правда. В тайгу углубляться не след. Пойдем берегом, найдем место, так и следов за собой почти не оставим.

Мы побрели вдоль кромки воды по скользким валунам. Сапоги с чужой ноги натирали пятки. Илька часто останавливался, согнувшись и прижимая руку к ребрам.

Во время одной такой остановки он нагнулся и поднял с галечника небольшой желтоватый камень с острыми краями.

— Кремень?

— Он самый, — кивнул Илька и спрятал камень за пазуху.

Мы прошли еще с полверсты, прежде чем друг окончательно выбился из сил. Привалился плечом к выброшенному на берег дереву и медленно осел на камни.

— Все, анда... Дальше не могу. Оставляй меня здесь. Сам стоянку ищи.

— Замолкни, — грубо оборвал я. — Анда своих не бросают. Сам говорил. Надо только придумать, как тебя тащить.

Илька закашлялся, скривившись от боли.

— На руках далеко не утащишь. Нужны две березки в полторы сажени или жерди подходящие. Волокушу сделаем. Так таежники добычу таскают, да раненых порой.

Я присмотрел в низинке пару молодых берез. Нож оказался хлипковат для такой работы, пришлось повозиться, но я управился.

— Снимай ветки, — подсказывал Илька. — Сложи углом. Тонкие концы впереди, толстые по земле волочиться будут. Для поперечин ветки покрепче нужны. Стянуть лозой из ивняка, она будет крепко держать.

Я сделал, как он велел. Получилась грубая, но прочная волокуша. Поперечины густо устлал пихтовым лапником, помог Ильке забраться, впрягся и потянул волокушу вперед.

Сзади зашуршали по камням концы жердей. Тащить было тяжело. Очень скоро пот начал заливать глаза.

Мы двигались вдоль кромки леса еще около двух верст, останавливаясь через каждые двести саженей. Наконец наткнулись на подходящее место.

Распадок, укрытый лапами вековых деревьев, выходил к высокому обрыву над Уссури. Отсюда река просматривалась на пару верст в обе стороны. А с воды нашу стоянку было почти не разглядеть, деревья закрывали.

Я втянул волокушу в ложбину, рухнул рядом и вытащил нож.

— Слушай меня, Илька. Давай так: ты теперь голова, я руки. В здешней тайге я как слепой котенок.

— Идет, — слабо улыбнулся он. — Перво-наперво раны обиходить надо. И тебе, и мне. Поищи в низинке мох салатový, пушистый. Он по сырым местам ковром стелется. Наши шаманы им кровь останавливают, он ранам гнить не дает. По пути живицу с пихты или сосны собери.

Мох нашелся быстро, целая полянка во влажном овражке. Там же с нескольких пихт я наскреб смолы.

Дальше требовался костер. Иначе в мокрой одежде мы быстро окочуемся и ночь не переживем, ну и тряпки, которыми сейчас раны перевязаны, простирнуть и высушить надо.

Илька накрошил берестяной трухи на плоский камень. Я перехватил нож режущей кромкой к себе и стал бить обухом по острому краю кремня. Вышло не сразу. Содрал костяшки, пока пара тусклых искр не вцепилась в труху.

Илька склонился и осторожно раздул тлеющий огонек. Вскоре в низинке уже трещал костерок, давая первое спасительное тепло.

Только теперь дошел черед до одежды. Дрожа на ветру, я стянул с себя тряпье, которым меня заматывала китайская старуха. Потом аккуратно размотал слипшиеся лоскуты на груди Ильки.

С охапкой грязных тряпок я спустился к тихой заводи. Вода была ледяная, пальцы сводило, словно в проруби. Запекшуюся кровь оттирал долго. Вернувшись к костру, развесил мокрые лоскуты на рогатинах у огня. От них сразу повалил густой пар.

Пока тряпье сохло, я занялся ранами. Размял мох в мягкую губку, обмыл порезы водой, густо замазал края тягучей живицей. Смола липла к пальцам, стягивала кожу, зато кровь понемногу унималась.

Когда лоскуты просохли, я обложил раны мхом и туго перевязался. Потом занялся Илькой. Грудь стянул ему потуже, чтобы не мог глубоко вдохнуть. Пусть лучше хватает воздух мелкими глотками, зато боль от сломанных ребер меньше будет беспокоить.

— Теперь вот что, Андрей. Поищи, где старицу затопило или низину какую. Вода там тихая должна быть. Утка сейчас гнездится. Авось кладку найдешь.

Я поднялся и побрел вдоль берега, высматривая распадки. Вскоре и впрямь набрел на глухую старицу. Половодье загнало сюда воду, да так и оставило. Течения почти не было, только тонкий ручей подпитывал заводь.

Припав к камням, я напился ледяной воды, отдающей лесом. Умыл лицо и полез в низину. Осторожно запрыгал по осоковым кочкам, пробираясь сквозь стену прошлогоднего камыша.

Илька не ошибся. Почти из-под ног вспорхнула утка. С кряканьем сорвалась с насиженного места и унеслась прочь. В гнезде, устланном серым пухом, лежали семь крупных, еще теплых яиц.

Я бережно сложил их за пазуху.

С такой ношей не побегаешь. К костру возвращался осторожно, словно нес фарфоровый сервиз. Яйца мы испекли в горячей золе, у самого края костра.

Голод они полностью не утолили, но сил немного добавили.

Сумерки уже скоро, а дел еще хватало. Сначала я натаскал сухостоя на всю ночь. Потом собрал десятка два крепких булыжников и свалил их прямо в костер. Следом наломал пихтового лапника для лежанки.

Покончив с этим, выбрался ближе к обрыву. Река отсюда просматривалась хорошо.

— Далеко видать? — крикнул Илька.

— Пару верст в обе стороны, даже чутка побольше.

— Сигнальный костер думаешь сделать?

— Надо. А то проскочат и не заметят.

На открытом месте я сложил высокий шалаш из сухого валежника. Рядом навалил гору сырого лапника. Если пламя разгорится, брошу сверху и пойдет густой дым. С палубы должны углядеть.

Солнце тем временем спряталось за сопки. От реки потянуло холодом, пробирающим до самого нутра.

— Андрей, — хрипло окликнул Илька. — Пока камни калятся, яму рой. На пол-аршина глубиной. В длину и ширину так, чтоб вдвоем лечь смогли.

Копать одним ножом да палками, то еще удовольствие. Но почва оказалась песчаная, под мхом мягкая, так что управился быстрее, чем думал.

— Теперь булыжники выкатывай и на дно клади, — просипел Илька. — Плотно. Один к одному. Потом землей да песком засыпь. Слой в ладонь, не меньше, иначе бока прождем.

Я разложил раскаленные камни, засыпал землей. Снизу сразу пошел жар, как от печи. Сверху лег лапник в три слоя. Его я заготовил с запасом, чтобы и укрыться хватило.

Стоило нам забраться в яму, холод начал отступать. Горячая земля грела спину. Густой запах нагретой хвои кружил голову и клонил в сон.

Но спать приходилось вполглаза, по очереди. Нужно было слушать реку и не дай Бог не пропустить судно.

Утро выдалось зябким и промозглым. Над разливом Уссури стоял плотный туман, напрочь скрывший противоположный берег. Я сидел у костра, подламывая мелкий сушняк и бросая в огонь.

Сырой воздух далеко разносил любой шорох над водой. Потому сквозь ровный шум реки я отчетливо уловил посторонний звук парохода.

Я выхватил из костра пылающую ветку и помчался через кусты к самому краю обрыва.

Белесый туман над рекой как раз начал расползаться. И я увидел его. Крупный колесный пароход уверенно молотил мутную воду Уссури, двигаясь по течению.

Я ткнул горящую ветку в сухой валежник. Дождался, пока полыхнет, и навалил сверху гору сырого лапника. Через минуту густой белый столб поднялся в небо.

Скинув свой зипун, я выскочил на самый урез обрыва и замахал им над головой.

— Эй! Сюда! На помощь! — заорал я, срывая голос на холодном ветру.

Пароход шел мимо. На палубе мелькали темные фигуры, но никто не смотрел в сторону тайги. Судно неумолимо проходило ниже нашего распадка, оставляя за кормой бурлящую пену.

Я продолжал орать, пока голос не сорвался в хрип.

Неужели белый дым слился с туманом? Расстояние росло. Пароход уже ушел сажень на сто вниз по течению. Я обессиленно рухнул на колени, понимая, что придется ждать следующего.

И вдруг над рекой раздался протяжный гудок.

Колеса стали замедлять ход, вспенивая плицами мутную воду. Судно пошло по дуге, медленно разворачиваясь к нашему берегу.

— Илька! Они нас заметили! Сюда идут! — крикнул я сорванным голосом.

С парохода кто-то закричал, но слов я пока не разобрал.

Плицы заработали в реверс, гася ход. Пароход замер сажень в двадцати от берега, борясь с течением Уссури.

На его темном борту я прочитал крупную надпись:

«Сунгача».

Глава 4. Станица на границе

На мостике застыла фигура капитана. Он внимательно разглядывал нас с высоты.

Матросы на палубе резво перекинули шлюпбалки за борт, и шлюпка на таях, визжа блоками, соскользнула в речную воду. Один за другим матросы сошли в нее по штормтрапу.

Четверо в полотняных форменных рубахах дружно налегли на весла. На носу шлюпки примостился рослый усатый унтер в суконном бушлате с золотыми нашивками на рукавах. В руках у него был укороченный карабин Бердана, направленный прямо на меня.

Впрочем, я его прекрасно понимал. Видок у меня был как у беглого каторжника, что тут поделывать! Стою на берегу, в рваном тряпье, с ножом в руке, чистой воды душегуб.

— Эй, на берегу! — зычно, перекрывая плеск речной волны, гаркнул унтер. — Бросай нож, а не то пулю враз схлопочешь! И руки держи кверху, шоб я видел!

— Свои, братцы! Свои! — крикнул я и откинул нож в сторону. — Русские мы! От хунхузов ушли! Со мной еще один, раненый, из местных он!

Я поднял руки и осторожно стал спускаться по крутому глинистому откосу к воде.

Шлюпка ткнулась носом в прибрежный галечник. Двое матросов выскочили на берег, подтянули ее и вскинули винтовки.

Унтер тяжело прыгнул следом и подошел, оглядывая меня с ног до головы.

— Свои, говоришь? — недоверчиво прищурился он. — А обряжен как макака закордонная. Кто таков будешь? Живо отвечай!

— Андрей Громов, из казаков, — ответил я, глядя ему прямо в глаза. — Шел на попутном катере по реке. В Лончаково должен был сойти, там крестный мой живет. Купец с оказией подрядился ящики с пантами китайцам доставить, а там на нас засада была. Из живых только я да Илька, матрос с того катера. Остальных поубивали. Вторые сутки, как из плена вырвались. Стоянку тут соорудили, ждали какой пароход. Самим иначе не добраться до станицы, берег болотно болотистый, а мы почитай без сил.

Унтер нахмурился, перебарывая услышанное, и чуть опустил ствол.

— Громов, говоришь... А где второй, матрос который?

Я махнул рукой в сторону распадка.

— Там, на волокуше его сюда притащил. Идти не может, ребра ему крепко поломали. Если врач имеется, глянуть бы его надо.

Унтер кивнул своим. Двое матросов закинули винтовки за спины и побежали за мной.

Когда они увидели Ильку, укрытого лапником, недоверие мигом улетучилось. Вид у него был такой, что краше в гроб кладут: лицо бледное, дыхание тяжелое, прерывистое.

Матросы помогли спустить его к воде и переложили в шлюпку. Я забрался следом, уселся на банку. Только сейчас, когда мы оказались среди своих, напряжение, не отпускавшее меня все эти дни, начало спадать.

И сразу навалилась усталость. Пока надо было бороться за выживание каждую минуту, я еще держался. Теперь же организм будто понял, что можно не рвать жилы, и стал выключаться. Глаза сами собой закрывались. Тупая боль в кое-как перевязанных ранах уже почти не волновала.

Шлюпка быстро добралась до парохода. Возле трапа нас уже ждали. На палубе толпились любопытные пассажиры: купцы, чиновники, бабы в платках, еще кто-то. Все внимательно разглядывали нашу ободранную пару, переговариваясь промеж собой.

— Расступись! Нечего тут пялиться! — стал разгонять их унтер.

Тут же появился шуплый человек в очках, с саквояжем в руках. Врач опустил перед Илькой на колени.

— Господи помилуй, — пробормотал он, осторожно ощупывая ребра парня. — Тут живого места нет. В тепло его, быстро! Несите в свободную каюту!

Матросы подхватили Ильку. Я, слегка пошатываясь, двинулся следом. Оказавшись на ровных, чисто выскобленных досках палубы, вдруг понял, что и сам держусь на ногах из последних сил.

А запахи вокруг! Уголь, машинное масло и, Господи, свежий хлеб с камбуза. От последнего аромата даже закружилась голова.

«Эвакуация прошла успешно, выдыхай, Андрюха», — как-то совсем по-отечески прозвучал на задворках сознания голос Добрецова.

Мы с Илькой оказались в тесной, но чистой каюте. Эскулап времени зря не терял. Илька, очутившись на узкой кровати, прикрученной к полу, совсем затих, только слегка похрипывал. Врач достал из саквояжа блестящую никелированную коробочку. В ней лежал стеклянный шприц.

Он накрутил толстую иглу, смочил тряпицу спиртом, тщательно обтер металл, потом осторожно перевернул Ильку на бок. Тяжелыми медицинскими ножницами разрезал заскорузлую от крови рубаху и слоил тряпок, которыми мы делали последнюю перевязку.

Освободив спину Ильки, врач быстро мазнул спиртом по коже, набрал из небольшой склянки желтоватую жидкость и заговорил, обращаясь ко мне:

— Так, парень, Андрей, кажется? Не бойся. Товарищу твоему сейчас камфору под кожу пустим. Сердце у него совсем слабо стучит, переохлаждение сильное. Надо поддержать, чтоб от болевого шока не помер. Ну-ка, придержи его за плечо.

Он всадил иглу Ильке под лопатку и медленно вдавил жидкость. По каюте разнесся резкий, знакомый с детства запах камфорного масла. Илька дернулся, громко выдохнул, но хрип в груди стал тише, а на щеках проступил едва заметный румянец.

— Вот и ладно. Пульс есть, жить будет, — хмыкнул врач. — Так, надо его поднять.

Мы помогли Ильке присесть. Только после этого врач окончательно срезал окровавленные лохмотья.

— Ну-ка, попробуй выдохнуть до конца, — велел он. — Сильнее. Весь воздух из груди, до капли.

Илька выдохнул. Врач тут же, кряхтя, принялся туго стягивать ему грудь широкими холщовыми полосами, фиксируя сломанные ребра.

Закончив, он вытер лоб тыльной стороной ладони и повернулся ко мне.

— Ну, теперь твоя очередь, помощничек. Скидывай свое отрепье, посмотрим, что там у тебя.

Я с трудом стянул через голову остатки рубахи. Врач шагнул ближе, всмотрелся в плечи и грудь, брезгливо поморщился.

— Эх тебя угораздило. Это что еще за художества? Смола?

— Живица, — глухо ответил я. — И мох таежный. Чем Бог послал, тем и лечились. В тайге аптеки не имеется.

— Лекари таежные, грех один, — проворчал врач, потянувшись к саквояжу. — Мох-то ладно, кровь держит. А вот смолу вашу теперь только скипидаром отмывать. Придется потерпеть, молодой человек.

Он смочил марлю резкой жидкостью и прижал к моей груди. Раны полоснуло такой болью, что я едва не вырубился следом за Илькой. Врач, однако, действовал осторожно: промакивал кожу, давал скипидару размягчить липкую живицу и отделял присохшие волокна мха.

Потом отбросил грязную марлю, взял свежую, смоченную в каком-то растворе, и стал бережно обмывать порезы. Вдруг замер, разглядывая раны в упор.

— Живучие же вы, Андрей, с твоим другом, — пробормотал он. — Другой бы от таких ран давно Богу душу отдал. А у тебя гной лишь сверху. Мох, похоже, хорошо вытягивал. Под ним уже затягивается, шить не придется. Ну-ка, снимай порты. Гляжу, и там кровь запеклась.

Он быстро обработал рану на ноге, наложил плотную повязку и туго завязал. Собрал инструменты в саквояж, коротко кивнул нам и вышел, притворив дверь.

Не успели мы перевести дух, как в каюту заглянул молодой матрос. В руках у него были медный таз с теплой водой, кусок мыла, полотенце и две стопки чистого казенного белья.

— Умывайтесь, братцы, да переодевайтесь проворней, — бросил он, ставя таз на рундук. — Капитан к себе требует. Я жду за дверью.

Я сначала смыл грязь с себя, потом помог Ильке. Мы натянули старенькие чистые матросские рубахи и, приведя себя в более-менее божеский вид, вышли из каюты.

Матрос провел нас по узкому коридору и распахнул крашеную дверь кают-компания. Внутри было тесновато, пахло табачным дымом. За небольшим привинченным к полу столом, покрытым потертым зеленым сукном, сидел капитан «Сунгачи», тот самый статный офицер с мостика.

Сбоку, едва помещаясь на узком диване, примостился, видимо, помощник капитана или писарь. В руках у него был раскрытый журнал и химический карандаш.

— Садитесь, — капитан указал на стулья напротив и окинул нас изучающим взглядом. — Я командир этого судна, лейтенант Сапожников. Семен Павлович, внесите их данные в судовую роль. Рассказывайте, молодые люди. Все и по порядку. Кто, откуда, как попали на этот берег.

— Ваше благородие, Громов Андрей Васильевич. Я с Кубани, из станицы Червленной. Прибыл во Владивосток на пароходе Добровольного флота «Кострома», оттуда добрался с обозом до Платоно-Александровской, а когда навигация открылась, пошел на катере «Раздольный», купца из Хабаровки Фролова Владимира Павловича. Направлялся в Лончаково, к крестному, Кравцову Степану Анисимовичу. Да вот не добрался, выходит, — слегка развел я руками.

Сапожников кивнул, убедился, что Семен Павлович все записал, и перевел взгляд на Ильку. Тот выглядел паршиво. Признаться, я бы его сюда никак не потащил, дал бы отлежаться. Но мой друг по несчастью все же стал отвечать:

— Илларион Степанович Морозов, ваше благородие. Вольнонаемный матрос с разграбленного катера «Раздольный».

Я едва не поперхнулся. Илларион? Ничего себе. Все эти дни звал его просто Илькой и даже не задумывался, что у него есть полное имя.

Тем временем Илька, не обращая внимания на мое удивление, продолжал:

— Катер купца Фролова Владимира Павловича шел в Хабаровку с товаром. На приграничном посту Турий Рог какой-то китайский торговец договорился с нашим приказчиком, чтобы тот доставил ящики с пантами на китайский берег. Нам было по пути. Да и денег, видать, посулил. А когда добрались, попали в засаду.

Он перевел дыхание.

— Из команды после нападения остались мы с Андреем, да еще матрос Михаил Лосев. Но его в импани хунхузской живьем резали.

Сапожников слушал, не перебивая. Рука на столе сжалась в кулак, желваки заходили.

Я решил добавить:

— Так все и было, заманили нас в ловушку, ваше благородие. Приказчик Фролова на легкую наживу позарился, не смог барыш мимо себя пустить.

Дальше я рассказал, что происходило в деревне хунхузов: про Яшку с Сипой, про нападение другой банды и про бао-энь, который, как оказалось, спас нам с Илькой жизнь. Илька иногда дополнял, но больше кивал. Говорить ему было тяжело.

— Из-за легкой наживы, значит... — процедил лейтенант. — Но сути это не меняет. Нападение на русское судно без внимания генерал-губернатора не останется.

Он перевел строгий взгляд на Ильку.

— А тебе, Морозов, придется со мной до самой Хабаровки идти. На берег я тебя сейчас отпустить не могу. Без твоих показаний следователю и на тебя может подозрение в сговоре с хунхузами лечь. Понял меня?

Илька кивнул и тяжело вздохнул.

— Ну а Громова в Лончаково высадим, — Сапожников перевел взгляд на меня. — Документы-то у тебя есть какие?

— Были, ваше благородие. Конечно, были. Да все вместе с вещами у хунхузов осталось.

— Понятно, — лейтенант побарабанил пальцами по столу. — Семен Павлович, готовьте рапорт для атамана станицы Лончаково. Может, так Громов быстрее утерянные документы восстановит. Совсем бандиты китайские распоясались, уже на Уссури наши суда грабить начали. Ладно, с этим разберемся.

Офицер поднялся, давая понять, что разговор окончен.

— Ступайте, отдыхайте. До Лончаково еще два часа ходу.

Матрос проводил нас с Илькой обратно в каюту. «Сунгача» уже продолжила путь. Это подтверждали ровная вибрация и глухой стук машины.

Почти сразу к нам заглянул молодой матрос и принес медную кастрюльку, от которой шел одуряющий аромат. Поставил ее на маленький столик, рядом две железные миски, ложки и половину каравая. Вероятно, того самого, чей запах я уловил, едва ступил на палубу.

— Держите, хлопцы, поснедайте. Хорошая маканка у Михалыча сегодня выдалась, на жирной солонине сварена.

Дверь за ним закрылась, а мы ждать не стали. Несколько дней впроголодь давали о себе знать.

Мы поделили хлеб, я разлил маканку по мискам, и мы принялись работать ложками. Картоха с кусками разваренного мяса была сказочно вкусной. Я с удовольствием макал хрустящую корку в густой солоноватый бульон. Минут пять в каюте было тихо. Только ложки стучали о миски, да мы с другом почавкивали.

— Илларион Степанович, значит? — спросил я, откинувшись к стене. — А я тебя все Илька да Илька. Хоть бы поправил.

— То не страшно, Андрей. Почитай привык уже.

— Слушай, — вспомнил я слова лейтенанта, — а что это за судовая роль такая?

— Бумага почитай, как паспорт для парохода. В нее каждый человек на борту вписан, от капитана до кочегара. Кто таков, откуда, в какой должности, куда направляется. Без судовой роли в рейс выходить не положено. Вот нас сейчас и внесли как спасенных пассажиров. Чтобы потом отчитаться как положено.

Два часа хода пролетели незаметно. Под мерный стук паровой машины я задремал и, наверное, на часок прикорнул, пока протяжный гудок «Сунгачи» не оборвал сон.

Я поднялся. Почти сразу к нам зашел знакомый матрос.

— Все, братцы, прибыли в Лончаково. Можно выходить.

Я помог проснувшемуся Ильке подняться, и мы выбрались на палубу, на свежий речной ветерок. Был сейчас он по-летнему теплым. С берега он приносил ароматы цветущей черемухи, перебивая угольную гарь парохода.

По левую сторону лежал маньчжурский берег с серыми сопками. Мы подходили к правому, нашему. На русском берегу показались избы Лончаково.

После родных кубанских станиц Лончаково казалась крошечной. Я насчитал около трех десятков дворов. Но выглядели они справно. Избы рублены из толстенных бревен, дворы жались в тесную линию вдоль берега, видать, на случай обороны.

Послышались команды капитана. «Сунгача» сбавила ход. Скоро загремели якорные цепи, и мы пришвартовались к добротной деревянной пристани.

Для небольшого поселения приход такого судна был событием. Не успела «Сунгача» причалить, как на берег стали высыпать станичники и внимательно нас разглядывать.

Матросы перекинули сходни. Лейтенант Сапожников первым сошел на берег. К нему навстречу вышел крепкий казак с рыжей окладистой бородой и шикарными усами. Он был подпоясан широким ремнем, на плечевой португее висела шашка. На другом боку виднелась кобура с револьвером. Это, по всей видимости, и был атаман станицы Лончаково.

— Денис Иванович? — отрывисто спросил офицер, козырнув. — У меня к вам дело важное. Времени в обрез.

— Все верно, Огородник Денис Иванович, атаман здешний, — степенно отозвался тот. — Рассказывайте, ваше благородие, что за дело. Поможем чем сможем.

Он обернулся и окликнул кого-то:

— Степан, ступай сюда.

Из толпы вышел высокий широкоплечий казак в годах, в безупречно пригнанном темно-сером чекмене. Казачья фуражка с желтым околышем чуть сдвинута на лоб. Обветренное лицо украшали густые темные усы с проседью.

Когда он уверенной походкой двинулся к нам, у меня в груди екнуло. Неужели это он? Мой крестный?

Степан подошел, взял под козырек, кивнул атаману и стал слушать. Сапожников принялся рассказывать о нападении хунзузов на катер у маньчжурского берега, о двух чудом спасшихся, активно жестикулируя и указывая на нас.

Крестный, а теперь я отчего-то был уверен, что это именно он, слушал и хмурился, бросая взгляды на китайский берег.

— Денис Иванович, нужно оказать помощь спасенным! — Сапожников обернулся к пароходу и махнул нам.

Мы с Илькой спустились по сходням на пристань.

— Вот они, выжившие. Из команды катера матрос Илларион Морозов и пассажир Андрей Громов, — сказал Сапожников и повернулся ко мне. — Андрей, ты ведь в Лончаково направлялся на том катере?

— Так точно, ваше благородие.

Кравцов после этих слов стал разглядывать меня особенно внимательно. Цепкий взгляд остановился на лице. Он нахмурился, замешкался, потом почесал затылок. Кажись, признал сходство с батей, своим побратимом, хоть они и не виделись уже не один десяток лет.

— Громов, чаем, не Васильевич? — спросил он.

— Так точно, Степан Анисимович. Я ваш крестник, сын Василия Громова из станицы Червленной. Громов Андрей Васильевич. Сюда, в Лончаково, и пытался добраться. Да только спокойно не вышло, — вздохнул я, но на лице все равно появилась легкая улыбка.

Толпа вокруг притихла.

— Во так дела, — удивленно цыкнул атаман и перевел взгляд на крестного.

Кравцов молчал. Эмоции на его лице были видны невооруженным глазом. Он шагнул ко мне вплотную, положил ладонь на плечо и похлопал.

— Вижу, что Громов, — произнес он. — Сразу признал, да думал, померещилось.

Никаких объятий. Может, потому что рядом офицер и дело срочное, а крестный все-таки на службе.

— После наговоритесь, Степан, — степенно произнес Огородник, оглядев нас. — Сперва дело решим.

Он повернулся к офицеру:

— Лейтенант, пройдемте в правление. Степан Анисимович, и ты с нами будь. Будем бумаги составлять и решать, что со всем этим делать.

Атаман развернулся и зашагал прочь от пристани. Крестный коротко глянул на меня:

— Зови товарища своего, матроса, и давай за нами.

Станичное правление располагалось в крепкой просторной избе под тесовой крышей, посеревшей от дождей, возле небольшой площади. Атаман Огородник, Степан Анисимович и лейтенант Сапожников прошли внутрь, а нам с Илькой велели обождать снаружи.

Мы присели на широкую деревянную лавку у входа. Окно было приоткрыто, и хорошо слышно, о чем они там говорили.

Сапожников еще раз, теперь в деталях, описывал произошедшее.

— Значит, у двух сухих кедров стояли... — задумчиво, с хрипотцой, спросил атаман. — Знаю я тот затон. Глухое место. Да по берегу они бы долго сюда добирались, там местами болото.

— Именно так, — сказал лейтенант и повысил голос с явным возмущением: — Так отчего же, Денис Иванович, вы порядок в этих местах не наведете?

— А ну остыньте, ваше благородие, — сходу осадил его атаман. — Не вам здесь и сейчас мне указывать. Сами же говорите, катер зашел на китайский берег. По-вашему, мне на всем их берегу секреты рассадить, чтобы какой обалдуй из наших туда не приставал да в засаду не угодил? Сами-то как себе это представляете?

— То есть как? Русских людей режут, а вы на берегу сидеть будете? — не унимался офицер.

Я услышал скрип стула и глухой удар кулаком по столу.

— А так, лейтенант! — голос атамана стал жестче. — Нападение было на том берегу. Граница по фарватеру Уссури проходит. Все, что за рекой, это уже другое государство. Мы туда сами переправляться права не имеем.

Атаман выдохнул и продолжил уже тише:

— Думаете, я казаков поднять не могу? Да будь моя воля, мы бы за пару часов за кордон перемахнули и вырезали этих хунхузов к чертовой матери. Думаете, не знаем, где их искать? Прекрасно знаем. Да только права такого у нас нет. Мы здесь службу служим, границу охраняем, а не в бирюльки играем.

— Но хунхузы же бандиты, выходит, они вне закона, — попытался возразить флотский.

— Хунхузы такие же подданные китайского богдыхана, — отрезал атаман. — Пекинский и Айгунский трактаты читали? Вооруженный отряд казаков, перешедший за кордон даже ради погони за разбойниками, сразу становится нарушителем государственной границы. Случись что, да будь у той стороны доказательства, вони будет столько, что мало не покажется. И в Пекине, и в Петербурге быстро узнают. Нам строжайше предписано такие дела решать только через официальные запросы и пограничных комиссаров. Самим за реку ни ногой. Иначе с меня первого чин снимут и под военный суд отдадут за самоуправство.

В горнице повисла тишина.

— Алексей, — голос атамана снова стал спокойным. — Готовь спешное донесение в Козловское окружное правление. И приписку поставь: требуется немедленно представить рапорт в Хабаровку, на имя наказного атамана барона Корфа. Под сургуч ее и отправим казачьей эстафетой. А там уж как в окружном правлении решат.

Я знал, что казачья эстафета значит, когда гонец скачет от станицы к станице во весь опор, лошадей меняют на свежих, а при нужде и самих гонцов. Почитай самый быстрый способ доставки срочных донесений, если телеграфа нет.

— Один пакет пойдет в округ и дальше в Хабаровку, — продолжал атаман. — А второй вы, лейтенант, с собой на пароходе заберете. Для вящей надежности.

Дверь распахнулась. Вышел раскрасневшийся лейтенант Сапожников, а следом атаман Огородник с моим крестным. Мы с Илькой поднялись со скамьи. Денис Иванович остановился и посмотрел мне в глаза.

— Как, говоришь, тебя звать, крестник Степанов?

— Громов Андрей, — вытянулся я.

— Тут в рапорте сказано, будто ты четырнадцать хунхузов на тот свет в одиночку спровадил. Не сбыхал?

— Никак нет. Так и было.

Атаман на мгновение замер, потом улыбнулся и обернулся к моему крестному.

— Ох, сказочники нынче пошли среди малолеток! Слыхал, Степан? Один и сразу четырнадцать разбойников. Такого бойца нам в отряд ставить надо без испытаний, а то и сразу в урядники производить.

Тон атамана мне не понравился. Но лезть в бутылку я не стал.

— Да ладно тебе, Андрей, не кипятись, — атаман заметил мой взгляд и похлопал меня по плечу. — В первом бою всегда страшно. Оттого и байки такие рождаются, со страху-то. Будет еще у нас время посмотреть, на что ты способен, раз уж в нашу станицу прибыл. А пока ступайте на пристань. Товарищу твоему, Морозову Иллариону, скоро на Хабаровку отходить.

Лейтенант Сапожников уже был у пристани. Матросы таскали какие-то ящики.

Мы с Илькой спустились к воде чуть в стороне от причала и примостились на штабеле прогретых солнцем досок. Илька сидел, опустив голову на руки, тяжело дыша.

— Что теперь делать будешь? — спросил я.

— Известно что, — глухо отозвался он. — В Хабаровке меня следователи дознавать будут. Катер купеческий, груз ценный. Пока все бумаги не выправят, не выпустят. А потом к своим вернусь, в стойбище. Буду рыбу ловить, зверя бить, на суда-то меня теперь вряд ли возьмут.

Илька поднял на меня усталые глаза и усмехнулся.

— Матросы народ особый, суеверный. Вся команда погибла, а я один живой остался. Дурная слава в наших краях быстро расходится. Станут шептаться, будто я катер сглазил или у хунхузов жизнь свою выторговал. Ни один боцман после такого в команду не возьмет, чтоб бучу не подымать меж своих. Хватит, похоже, кончился матрос Морозов.

Было шумно. «Сунгача» готовилась к отправке, боцман раздавал команды матросам на характерном диалекте. И в этот момент раздался незнакомый звук. Он пронесся над рекой, перекрывая шум паровых котлов. Следом ударил второй такой же.

Илька вздрогнул, поднял голову и, преодолевая слабость, встал с досок. Я поднялся следом.

Голоса на пристани стихли. Все лица повернулись к реке. Из-за крутого изгиба, прямо по границе фарватера, медленно выползло незнакомое судно. Таких я, кажись, еще не видывал.

— Пограничная джонка, маньчжурская. Гляди, Андрюха, глазастая какая, — подсказал Илька, заметив мое удивление.

На широком носу и правда были намалеваны два огромных раскосых глаза. На высокой мачте развивался треугольный желтый флаг с извивающимся синим драконом и красным солнцем. Длинные весла ритмично били по воде. Вдоль бортов, плечом к плечу, стояли вооруженные люди. Похоже, цинская пограничная стража.

Они были в синих куртках и круглых шляпах. У многих в руках блестели стволы винтовок. На носу тускло поблескивала небольшая пушка. На высоком кормовом помосте стоял офицер в шелковом халате и рассматривал Лончаково в подзорную трубу.

Я оглянулся на станицу. Местные сориентировались мгновенно. Бабы похватили детей и погнали в сторону дворов. К берегу стягивались казаки. Шли спокойно, но все с оружием.

На пристани встал атаман, рядом крестный. Огородник заложил пальцы за португую и, прищурившись, разглядывал проходящую джонку.

— Без моей команды за оружие не хвататься, — сказал атаман негромко, но услышали, кажется, все казаки на берегу.

Степан Анисимович продублировал команду. На нашем берегу стало тихо. Слышны были только плеск волн, удары весел о воду и шум машины «Сунгачи», которую готовили к выходу. Казаки замерли у кромки воды, показывая полную готовность ответить на провокацию.

Илька, стоявший рядом, неотрывно смотрел на джонку.

— Смотри на них, Андрей, — процедил он сквозь зубы. — Эти черти днем стража ихнего императора, флагом прикрываются. А как ночь придет, одежду сменят, да и превратятся в тех самых бандитов, от которых мы с тобой недавно ноги унесли. А некоторые и вовсе на нашу сторону золото мыть пойдут.

Джонка медленно проходила мимо станицы, офицер опустил трубу. Ни одного слова не прозвучало ни с нее, ни с нашего берега. Наконец быстрое течение Уссури подхватило китайское судно и стало уносить вниз, к лесистому мысу. Желтый флаг с драконом еще мелькал над кронами деревьев, а потом пропал.

По команде атамана казаки стали расходиться, переговариваясь о только что пережитом стоянии. Напряжение спало так же быстро, как и появилось.

С пристани донесся раскатистый гудок. Из высокой трубы «Сунгачи» повалил густой дым.

— Пора, — коротко бросил Илька, глянув на судно.

Мы подошли к сходням. Лейтенант Сапожников нетерпеливо прохаживался по палубе, поглядывая на берег.

Говорить долгие речи я не умел. Да и не нужны они сейчас нам были. Я просто протянул другу руку.

— Спасибо тебе, Илька, возвращайся!

Илька крепко пожал ее, шагнул ближе и обнял меня:

— И тебе спасибо, Андрей.

— Эй, на берегу! Заканчивай! — гаркнул боцман с палубы. — Сходни сейчас уберем!

Илька развернулся и быстро поднялся на борт.

— Наше стойбище тут рядом, недалеко от Лончаково! — крикнул он, пытаясь переорать шум закипающей воды. — Из Хабаровки я сразу домой. Мы обязательно свидимся, Андрей!

Сходни с грохотом втянули на палубу. Плицы паровых колес с шумом ударили по воде, и «Сунгача», дав короткий гудок, стала медленно отчаливать от пристани, забирая к фарватеру.

Провожая пароход взглядом, я не заметил, как рядом оказался крестный. Пока атаман и лейтенант Сапожников были рядом, Степан Анисимович держался сдержанно, официально, почти без эмоций.

Но теперь на берегу мы остались вдвоем.

— Ну что ж, здорово дневал, крестник? — он положил мне руку на плечо и добродушно улыбнулся.

— Слава Богу, крестный, — сказал я, устало улыбнувшись в ответ.

Глава 5. Семья на Уссури

— Я и не думал, что ты уже таким большим вымахал, Андрей! Вишь, как оно вышло: уехал из Червленной по молодости, а крестника ни разу и не видел. Письма от Василия приходили, конечно. — Он тяжело вздохнул и крепко обнял меня. — Но что те письма...

Я не сразу нашелся, что сказать. Просто обнял в ответ этого могучего казака, сразу ощутив какое-то родство и теплоту. Наверное, этого мне больше всего и не хватало в моих скитаниях с того самого дня, как погиб отец.

— И как Вася тебя отпустил-то в такую даль? — Крестный чуть отстранился, продолжая меня разглядывать.

— Нет больше бати, Степан Анисимович. Погиб он в феврале.

— Как нет? — Голос его дрогнул. — Где?

— Долгая история. Как-нибудь подробно все расскажу. А если коротко, погиб он в Африке, на Красном море. Мы там форт обороняли от французской эскадры, да не сдюжили. Родни близкой в Червленной у меня не осталось. Думал, что дальше делать. А тут судьба свела с дядей Аркадием, братом бати.

— Угу, помню Аркашу. Еще мальцом помню, — кивнул крестный, все еще не отошедший от вести про гибель друга.

— Вот он и подсказал, что можно сюда податься, раз уж на Кубани меня особо ничего не держит. Тем паче он и сам покамест на Дальнем Востоке по своей линии служить будет. Так я и решился. С ним на пароходе «Кострома» из Адена до Владивостока добрался. Там много переселенцев было.

Крестный молча снял фуражку, размашисто перекрестился и посмотрел в небо.

— Царствие небесное, Василий. Эх, брат... Так и не свиделись мы с тобой.

Вернув фуражку на голову, он повернулся ко мне.

— Идем, Андрей. Стою тут, расспрашиваю, а ты кое-как на ногах держишься. Вот тебе и крестный. Прости уж меня, просто...

— Все хорошо, Степан Анисимович. Пустое.

Станица разительно отличалась от кубанских, к которым я привык. На родине наши курени чаще белили известью, крыши крыли камышом, а кто побогаче, тот и черепицей, а то и жестью. Оттого станица казалась светлой, почти праздничной.

Тут все выглядело иначе. Улицы тоже широкие, подворья большие, с землей видно проблем нет. Здесь же курени — одноэтажные срубы из толстенных брёвен. Углы сходились внахлест, окна небольшие, высоко над землей. Дворы обнесены глухими заборами. Не подворья, а маленькие крепости. Но тут и понятно: граница, хунхузы, тайга, как говорится, всегда будь готов.

Мы подошли к добротному забору. Крестный толкнул тяжелую калитку. Во дворе залился лаем здоровенный цепной пес, но, заслышав шаги хозяина, тут же смолк и застучал хвостом по конуре.

Степан Анисимович поднялся на крыльцо, но в сени заходить не стал. Повернулся к распахнутой двери и зычно гаркнул:

— А ну, Кравцовы, подь на крыльцо! Полюбуйтесь, какого гостя нам Бог нынче послал!

Первой на пороге показалась статная дородная казачка со смуглым лицом и яркими голубыми глазами. На ходу она вытирала руки о холщовый передник, повязанный поверх темного распашного платья. На голове темно-синий платок, концы туго стянуты на затылке. Ни одной пряди не выбилось.

— Знакомься, Андрей, — крестный с теплотой кивнул в ее сторону. — Жена моя, Пелагея Александровна. Для тебя, стало быть, тетка Поля. Принимай, Пелагея, Андрей это. Сын кума моего, Василия Громова. С самой Кубани, из Червленной, к нам добрался.

Пелагея Александровна всплеснула руками, разглядывая мою казенную матросскую рубаху в пятнах сукровицы и громадные сапоги с чужой ноги.

— Господи Иисусе, крестник твой? Громов, с Кубани? Да на тебе ж живого места не осталось, соколик! Как же это так? Проходи в хату, чего на пороге стоять.

Следом за матерью на крыльцо выскочил паренек. На вид лет пятнадцати. Широкий в плечах, сразу видно, в отца.

— Сын мой, Олег, — с гордостью представил его крестный. — Олег, это Андрей, мой крестник с Кубани.

Олег с любопытством смерил меня взглядом и с ходу выпалил:

— Здорово дневали, братец!

Я не успел и рта раскрыть, как из-за плеча Пелагеи Александровны выглянула светлая девичья голова. Девчушка лет девяти робко прижималась спиной к стене и смотрела на меня круглыми голубыми глазами.

— А это наша последышка, Татьяна, — сказал крестный, и лицо его расплылось в улыбке. — Не бойся, мышка. Это Андрей, с югов к нам пожаловал.

— Прямо с самой Кубани, из Червленной? — спросила девочка.

— Угу, оттуда, — кивнул я с улыбкой.

— Так поди, и шашка серебряная у тебя имеется? — не выдержал Олег.

В дверях показалась сухонькая, но еще крепкая старушка в темном платке. Похоже, это и есть Акулина Никитична Кравцова, матушка крестного. Она, услышав слова внука, смерила всех нас строгим взглядом и пробурчала:

— А ну цыц, окаянный! Чего пристал к гостю? Али не видишь, израненный он, умаялся в дороге весь, а ты ему удумал допросы чинить!

Степан Анисимович покивал:

— Матушка дело говорит. Давай, Олег, беги за станичным фельдшером. Скажи, что я просил поскорее прибыть, Андрея надобно посмотреть. А как воротись, баню топи, да пожарче чтобы, гляди! Андрюшке кости погреть хорошенько надо с дороги.

Олег кивнул и унесся выполнять поручение отца, а Акулина Никитишна тем временем подошла ближе, вглядываясь в мое лицо.

— Вылитый Василий, — тихо произнесла она. — Он так же в молодости выглядел... Я ж всю семью твою, Андрюша, хорошо знала. И отца, и матушку, и дядьку, и деда Игната. Мы ж в Червленной рядом жили. Семьями крепко дружили, почитай, до того самого дня, как нас сюда отправили.

Старушка тяжело вздохнула, но тут же вскинулась:

— Да что ж это мы все на пороге-то толкуем! Проходите в хату, а мы с Пелагеей сейчас быстро сообразим, все как полагается. Коль уж Громов из Червленной у нас в гостях. Батюшки, день-то какой!

— Спаси Христос, Акулина Никитична, — поклонился я.

Но бабушка, похоже, уже не слушала. Унеслась хлопотать по хозяйству.

Станичный фельдшер Роман Васильевич Юдинцев оказался сухощавым, с большим шрамом на лбу. Один глаз у него, кажется, был стеклянным: неподвижный, тусклый. На вид я дал бы ему лет тридцать пять или сорок.

Он разложил саквояж на лавке, велел мне скинуть матросскую форменку и принялся тщательно ощупывать ребра, осматривать ссадины да промывать раны.

— Жить будешь, Андрей, — наконец произнес он, вытирая руки чистой марлей. — Переломов нет, кости целы. Крови потерял изрядно, но это дело поправимое.

Он замолчал, глядя в частые надрезы на моей груди. Осторожно коснулся пальцами розового рубца на плече, потом перевел взгляд на крестного:

— Парень двужильный, Степан Анисимович. Но ты глянь, как порезы идут. Аккурат пластами кожу снимали. По всему видать, китайская работа.

— Спасибо, Роман, — сказал крестный, шагнув ближе. — О том мы с Андреем завтра потолкуем. Покуда надо дать крестнику отдохнуть с дороги.

— Да вы, Степан Анисимович, и ты, Андрей, не переживайте. До свадьбы заживет, даже шрамов крупных не останется! — хмыкнул фельдшер, укладывая инструменты обратно в саквояж. — Старые повязки я с тебя снял. Покуда без них походи. Только вот что, парень, в баню если собрался, в парной долго не сиди. Охолопись теплой водой, грязь смой, и будет. Рано тебе париться, с такими ранами аккуратнее надо. После бани обработай вот этой мазью.

Он достал из саквояжа небольшую баночку и поставил на стол.

— Нанесешь щедро, потом повязки наложи. Дня три повторяй, а на четвертый уже должны затянуться, можно и не мазать. По утрам ко мне захаживай, я тут недалеко. Олег ежели что покажет. — Он хлопнул меня по плечу.

— Ну бывай, Андрей. Выздоровливай.

Когда за фельдшером закрылась дверь, Степан Анисимович прокряхтел, отчего-то по-стариковски и поднялся:

— Ну, раз Юдинцев так сказал, значит жить будешь, а мясо нарастет. Давай-ка, Андрей, пока бабы хозяйничают да баня топится, я тебе наше хозяйство покажу. Чего тут сидеть-то?

Дом у Кравцовых был просторным пятистенком, рубленным из толстой лиственницы. Запах дерева внутри чувствовался сразу. Убранство простое, но чем-то похоже на наш курень в Червленной.

В красном углу темнели лики икон, печь большущая, беленая известью, деревянные полы выскоблены до желтизны. На стене, на видном месте, висела казачья шашка в ножнах, украшенных серебром, да старая нагайка.

Мы вышли на просторное подворье и сперва крестный показал курятник с амбаром. Потом десяток упитанных хрюшек, которые чуть поодаль копошились в загоне.

— Летом мы их тут не держим, — пояснил Степан Анисимович, кивнув на свиней. — Скоро пустим в дубняк на выпас. Они там желудями да кореньями кормятся, к осени сальца нагуливают.

Потом подошли к огороду. Грядки были нарезаны аккуратно, словно по линейке. Между ними глубокие борозды, чуть ли не по колено.

— Крестный, а чего земля так странно нарезана? — не удержался я. — У нас в Червленной такого не припомню.

— Удивляешься? Тут без глубокой борозды никак, с Кубанью-то не сравнивай. Там с неба так не льет, как в этих краях. Если низкие грядки сделать, то как ливни зарядят, вмиг весь огород в болото превратится. Потому и задумано так, чтобы лишнюю воду отводить.

Он указал в сторону леса, за ограду, где у самой кромки стояли ряды пчелиных ульев.

— Пасеку два года как завели. Места тут для пчел благодатные. Знаешь, какой липовый мед получается? Душистый. Зимой от хвори лучшего средства не сыскать. Да и так полакомиться милое дело.

Потом он провел меня в небольшую конюшню на шесть денников. По три с каждой стороны, между ними проход чуть больше сажени. Денники квадратные, просторные, лошади в них свободно развернуться могут.

Пять были заняты, а в одном хранилась сбруя, развешенная аккуратно.

— Гляди, Андрей, забайкальская порода. Они только тут, на Амуре да на Уссури встречаются. На Кубани таких отродясь не увидишь. Неприхотливые, таежный гнус их не берет, зиму хорошо переносят. Эх, и с норовом черти!

Крестный похлопал по крупу коренастого густошерстного жеребца.

— Трое у меня таких. Вот этот чалый Гром, там Рыжий, ну и его брат-погодок Буран. Да кобылка молодая, справная, Вьюгой кличем ее.

Крестный подвел меня к последнему деннику. В нем, прядая ушами, переступал точеными ногами высокий вороной жеребец.

— А вот это наша черноморская порода, — с теплотой сказал Степан Анисимович. — Год назад он с переселенцами пришел. Как я прознал, то не поленился и во Владивосток за ним сам съездил. Не пожалел ни денег, ни времени. Жеребец видный, а нрав горячий, разбойничий. За то и назвал его Абреком.

Я протянул руку и погладил вороного по бархатному храпу. Конь шумно выдохнул мне в ладонь.

— Дело знакомое, крестный, — тихо ответил я, не отрывая взгляда от умных лошадиных глаз. — Я ведь на «Костроме» в денниках за лошадьми присматривал всю дорогу.

— А это славно! Не сомневаюсь, что Василий тебя делу этому хорошо научил. Да и дед твой Игнат, помню, тоже лошадики был знатный.

В конюшню просунулась голова Олега:

— Батя, баня поспела уже!

— Сейчас будем.

В предбаннике было жарко, пахло распаренным пихтовым веником. На лавке лежала приготовленная для меня чистая смена одежды: холщовая рубаха, темно-синие шаровары да мягкие кожаные ичиги.

— Ты пока, Андрей, в этом походи, — сказал крестный, скидывая чекмень. — Твои-то лохмотья бабы в печи сожгут. Там и стирать нечего. Позже разберемся, справим тебе одежду. Сначала с Денисом Ивановичем поговорить надо, в правление сходим. Тебя приписать нужно, по уму все сделать, да с документами разобраться. Тебе же еще учебная команда по возрасту положена. Только теперь в нашем Уссурийском пешем полубатальоне лампы на шароварах желтые будешь носить, — улыбнулся он.

Помня наказ фельдшера Юдинцева, я лишь обмылся теплой водой из деревянной шайки. Осторожно прошелся по ранам, смыл вьезшую грязь. Очень хотелось пропариться хорошенько, тем более Олег баньку натопил от души, но я и сам понимал: пока нельзя.

После бани, хоть двери из-за меня и держали приоткрытыми, меня знатно разморило. Пока я, одевшись в чистое, ждал крестного на лавке, то и сам не заметил, как задремал.

— Ну все, крестник, полно рассиживаться, — добродушно скомандовал Степан Анисимович, выпуская в предбанник клубы пара. — Пора за стол, там уж, поди, Пелагея с матушкой все приготовили.

Мы зашли в дом, и я ощутил аромат свежей выпечки, смешанный с чесночным духом. Кажется, это были пампушки, такие моя матушка раньше готовила к борщу.

Посреди горницы стоял крепкий дубовый стол, накрытый скатертью с вышивкой по краям. Он ломился от съестного, Пелагея Александровна и Акулина Никитична постарались на славу.

В центре красовалась миска соленых груздей, сдобренных домашней сметаной. Рядом парил чугунок с вареной картошкой в мундире. На глиняном блюде лежали куски жирного балыка из красной рыбы. Крупными ломтями было нарезано сало с темными мясными прожилками. Еще пышный каравай, по всей видимости, только из печи достали. Его заботливо укрыли рушником, чтобы не остывал раньше времени.

Пелагея Александровна, раскрасневшаяся у печи, поставила на стол большой закопченный чугунок. По запаху я признал борщ. Помню у нас на Кубани он всегда был густой, наваристый, с хрустящей капустой, фасолью и растёртым середённым салом.

Степан Анисимович оправил рубаху и обвел всех взглядом:

— Ну, Андрей Васильевич, как говорится, прошу к столу.

Он взял меня за плечо и усадил прямо под образа.

— Садись, Андрюша, в красный угол. Гость в дом — Бог в дом, а ты нам больше, чем гость, теперь считай, член семьи.

Я опустился на широкую лавку, справа сел сам Степан Анисимович, напротив, поправив платки, разместились Акулина Никитична и тетка Полина. Последними присели Олег и Татьяна.

Едва мы уселись, как крестный встал, поправил фитилек в лампадке и начал читать «Отче наш». После молитвы он перекрестил каравай, отломил от него хрустящую горбушку и протянул мне:

— Ешь с Богом, сынок, дома хлеб всегда слаще, а теперь это и твой дом тоже.

Напряжение стало спадать. Тетка Поля поставила на стол запотевшую четверть немного мутноватой водки. Степан Анисимович откупорил и налил себе в чарку. Пелагея Александровна налила Акулине Никитичне и себе рубиновой наливки на таежных ягодах. А Олегу, мне и Татьянке достался узвар.

Крестный поднял чарку и обвел всех взглядом:

— Ну, семья, день у нас сегодня особенный. Пополнение, можно сказать. Вы про моего побратима Василия Громова из Червленной не раз слышали. Матушка вон и лично его знала. Крепкая дружба у нас с Васькой была, царствие ему небесное.

Он перекрестился, вздохнул и продолжил:

— Мы с ним перед расставанием дали слово, что станем крестными отцами для своих первенцев. Вот, Олег, — глянул он на сына, — не довелось тебе, да уже и не доведется со своим крестным отцом повидаться. Но слава Богу, Андрей решился на такой путь и до нашего медвежьего угла добрался. Так что ты, крестник, считай сегодня приехал домой. И по-другому думать не смей. За твой приезд!

Мы потянулись над столом и чокнулись. На лицах домашних появились улыбки. Бабушка Акулина тут же что-то по-стариковски пробурчала. Я сперва не понял, а потом дошло: беспокоилась, чтобы у меня тарелка не пустовала.

— Кушай, Андрюшенька, кушай, соколик, — приговаривала она, всплескивая сухими руками. — Щеки-то вон впали, одни глаза остались. Но ты погоди, я тебя откормлю. И как ты такой оголодавший добрался только?

— Не переживайте, бабушка Акулина. Добрался нормально. Добрых людей хватает. Но то, что без приключений не обошлось, верно. Главное, добрался, спасибо за заботу. А борщ словно у моей матушки, ум отъешь, какой вкусный.

— Сначала с обозом от Владивостока шел? — спросил Степан Анисимович.

— Да. Дядя Аркадий договорился, меня прикрепили к обозу из двух телег. Кстати, вел тот обоз Поправко Виталий Андреевич. Он говорил, что вы знакомы.

— Поправко Виталий? — Крестный посмотрел на меня и, дождавшись кивка, продолжил: — Как же, знаю. Он в Платоно-Александровской на Ханке живет. Было дело, доводилось познакомиться.

Когда первый голод уже отступил, Степан Анисимович придвинул ко мне небольшую глиняную плошку.

— А ну, попробуй вот это, — лукаво усмехнулся он в усы. — На Кубани такого отродясь не едали. Ты не гляди, что по виду неприглядное. Испробуешь, потом за уши тебя будет не оттащишь.

Я с любопытством заглянул в миску. Там лежали скрученные зеленые стебли, обильно политые пахучим маслом и пересыпанные красным перцем.

— Отчего же, Степан Анисимович. Шакшуку я в Адене едал, кокосы пробовать доводилось. Теперь можно и травы пожевать.

Я взял пару стеблей и сунул в рот. Стебельки хрустнули, и дали приятную кислинку, а потом по языку ударила острота.

— Ох, забористо как! — выдохнул я, потянувшись за узваром. — Что это за трава такая диковинная?

— Лесной папоротник-орляк, Андрей! — рассмеялся крестный. — Мы у китайцев эту хитрость переняли, его заготавливать. По весне, как он стрелки пускает, бабы наши в тайгу идут, собирают. Потом солят с чесноком да перцем. Особенно под жареную или печеную дичь он хорош.

— Да, необычный вкус, — я взял еще несколько стебельков. — Хороший.

Ко мне придвинулась Акулина Никитична. В ее морщинистых руках подрагивала чарка с наливкой. Лицо в этот миг показалось удивительно светлым, а в глазах блестели слезы.

— А матушку твою я совсем молодой помню, упокой Господь светлую ее душеньку, — тихо произнесла старушка, глядя куда-то чуть в сторону. — Какая была дивчина! А как Васька, батя твой, за ней ухлестывал... Справная казачка она была. Рукодельница, каких поискать. А уж голос какой! Когда песню заиграет, бывало, на праздник, все разом затихали.

Она перевела взгляд на меня.

— Ты, Андрейка, главное, близко к сердцу тоску не подпускай. Она теперь, да и батюшка твой там, — старушка приподняла глаза к потолку, — видят, небось, тут нас сейчас. Радуются, что ты не один остался, а с нами теперь.

Акулина Никитична обняла меня за плечи и по-матерински прижалась сухими губами к моему виску.

Беседа потекла оживленнее. Крестный хитро прищурился, посмотрел на Олега, потом перевел взгляд на меня:

— Вот так и живем, Андрей. В тайге нашей, правда, совсем не как на Кубани в степи. Места суровые, дикие. И зверя полным-полно, и хунхузы, будь им неладно, пошаливают.

— Охотой, наверное, промышляете?

— А то, как же. Охота тут дивная, да и рыбы в реке хватает. Ежели не лениться да с умом, на стол всегда будет чего поставить. Опять же хозяйство у всех имеется.

Он усмехнулся и продолжил:

— Тут, пару седмиц назад, к нам секач повадился. По ночам под оградой, с глухого края, подкопы копал. Не знаю уж, чем он на нашем базу разжиться решил, овощи-то еще не поспели, весна только. Но вот поди ж ты.

— Ну батя, — вздохнул Олег.

— А чего «батя»? — Крестный повернулся к сыну. — Это ж надо было удумать такое.

— Что случилось? Прорвался секач на базу? — спросил я.

— Да то и случилось, что Олег взрослый уже детина, а голова как у ребенка. Приготовил рогатину, герой, и стал его выслеживать. Пока я в ночном секрете стоял, решил сам с ним сладить. Собрался один, в темноте, на зверя идти. Герой, мать его ити-ть!

Олег покраснел и уставился в тарелку.

— Да понял я уже, — пробормотал он.

— Так вот, выследил же. Да и всадил рогатину ему в бок. Только, видать, не смертельно. Потом самому удирать пришлось. Благо рядом кривая береза росла, вот он на нее и вскарабкался.

Крестный постучал пальцами по столу.

— А секач тот, скажу тебе, матерый был. Размером с небольшого теленка, клыки огромные. Мы его потом три дня с Макаром Завьяловым по распадкам выслеживали. Хитрый зверюга, следы путает не хуже косога. Нашли в камышах у заводи. Хоть и раненый был Олегом, а свалился только с третьего выстрела. Живучий оказался, чуть Макара не зашиб, так прытко рванул.

Степан Анисимович взял блюдо с темным мясистым салом и пододвинул ко мне.

— Угощайся, Андрей. Это не от домашних свиной сало. Рубанина соленая, вымоченная да хорошенько прокопченная. Тот самый лесной секач и есть. Ешь, набирайся силы.

Мясо оказалось жестковатым, но невероятно ароматным, с привкусом дыма. Я с уважением глянул на Олега. Парень безрассудный, но, видать, с характером.

Когда с едой было покончено, тетка Поля убрала пустые миски, оставив рыбу, кабанину да выпечку. В какой-то момент Степан Анисимович молча взял бутылку и налил поминальную. В этот раз плеснул и мне.

— Знаешь, Андрей, я же с Васькой все детство бок о бок. Лучшие друзья. Потом и Бог сподобил вместе служить, односумами стали. Еще тогда, давно это было, мы поклялись: коли одного из нас не станет, второй его семью в беде не оставит. Жизнь непростая была, служба на Кавказе дело такое... Так что клятву, Васе данную, я выполню. В том не сомневайся.

Мы поднялись с лавок и, по казачьей традиции, чокнулись и выпили. Потому как пока мы их помним — они среди живых. Оттого и чокаемся.

— Пока мы их помним, они среди живых — Третью чарку, налитую до краев, крестный накрыл горбушкой хлеба, отнес в красный угол и поставил возле икон, отцу на помин души.

Я опустошил свою. Горло мгновенно обожгло, дыхание перехватило. Пришлось глубоко дышать, чтобы не закашляться.

За окнами повисла глухая таежная ночь. На столе горела керосиновая лампа, фитиль слегка покачивался, заливая горницу мерцающим желтым светом. Крестный сделал короткий знак жене:

— Все, пора уже отдыхать. День непростой выдался. Поля, уводи Татьянку спать. Да и сами ступайте. Нам чутка потолковать надо.

Пелагея Александровна и Акулина Никитична поднялись и вместе с сонной Татьянкой ушли за стенку, отделявшую женскую половину.

— Завтра, думаю, Денис Иванович добро даст. Запишем тебя, определим в учебную команду, и с документами разберемся. Правда, к учебе приступишь, только когда фельдшер Юдинцев добро даст. А там земли пай выделят. Может, выморочную какую, а может, на краю станицы. — крестный задумался и продолжил.

— Тогда сперва корчевать тайгу придется, не просто это, но справимся. Земля тут хорошая, много чего растет хорошо. Но это уже опосля, когда на действительную службу поступишь, не скоро еще. А пока знай, что дом твой тут твой. — постучал он не громко по столу.

Степан Анисимович поднялся и подошел к тяжелому сундуку. Откинул крышку, покопался и вытащил что-то из него.

На стол передо мной легла старая портупея из толстой кожи, украшенная серебряными вставками.

— Мы с отцом твоим портупеями поменялись в тот самый день, когда я с семьей из Червленной уезжал. Все это время берег ее как память. А теперь, Андрей, она твоя по праву.

Я провел рукой ссохшейся коже, давно, видать, она в сундуке хранится.

Прикрыл глаза, и мне показалось, что я вижу лицо отца в тот самый последний миг в форте Новая Москва. Только в этот раз на лице его не было ни боли, ни тревоги.

Отец улыбнулся мне.

А значит, я все делаю правильно.

Глава 6. Станичный Робин Гуд

— Андрей, вставай!

Чужая ладонь опустилась мне на плечо. Тело среагировало моментально. Лево́й рукой я перехватил запястье, сразу выворачивая его на излом. Правая в тот же миг нырнула под подушку, пальцы судорожно начали искать рукоять револьвера. Пусто.

— Ай! Пусти, братуха, ты чего, ошалел?! — вскрикнул знакомый голос.

Я открыл глаза. Никаких хунхузов не было, надо мной стоял Олег, тарашился испуганно, скривившись от боли. Я выдохнул и разжал пальцы.

— Прости, брат. Сон дурной приснился.

Олег потер покрасневшее запястье.

— Ну и хват у тебя, Андрюха. Ты, чаем, в кузне не работал? Подымайся, батя тебя велел будить. Идем умываться, да поснедать сядем.

Он выскочил, а я откинулся на подушку. Сегодня выспался по-настоящему. Впервые за эти дни подо мной была не мерзлая земля, не качающаяся палуба «Костромы», не пропахший потом постоялый двор и не почтовая станция, а настоящая постель.

Сел на край, и раны сразу напомнили о себе тянущей болью. Немного размялся, накинул рубаху со штанами и вышел во двор.

За порогом было свежо. Вчера я бродил по двору, от усталости почти ничего не замечая. Только кивал крестному, когда тот показывал хозяйство. А сегодня разглядел: курень у Кравцовых устроен ладно.

Под навесом, на чурбаках, стояла долбленая лодка. Видать, смолить приготовили. На высоких жердях сохли сети, рядом лежал здоровенный невод. Тут же на вешалах сушилась красная рыба.

В сарае виднелись сложенные аккуратным рядком рогатины, для охоты, должно быть, а рядом две остистые остроги для лучевой рыбалки и широкие снегоступы, обтянутые камусом.

В углу двора чернела громадная кедровая колода. Вся израненная, по всему видать, ножи и топоры в нее метали не первый год. Но меня удивили две стрелы, торчавшие из дерева. Выходит, у крестного и лук имелся? Или арбалет?

Я подошел ближе, выдернул одну стрелу. Оперение сделано недурно, древко ровное.

«Хвостовик», — всплыло в голове само по себе.

Раньше я такого слова не знал. Похоже, опять память Добрецова наружу просится. В последний раз тезка из будущего крепко ворвался в мою жизнь в хунхузском импане. Видать, для этого опасность нужна, а может, и еще что. Кто его разберет.

Я покрутил стрелу, подспудно почувствовал, что Добрецов и в этом деле что-то да понимал. Надо будет как-нибудь стрельнуть. Авось еще и лучником окажусь, вот потеха-то будет.

— Андрей, ты чего тут застрял? На-ка вот.

Олег протянул мне тряпицу и щепотку черного порошка.

— О, толченый уголь с солью? — я принял. — Моя матушка так же делала. Только она из вербы уголь пережигала.

— А у нас березовый, батя научил, — закивал Олег. — Потом, как поснедаем, живицы лиственничной пожуешь. Бабка говорит, от нее зубы словно китайский фарфор блестят.

— Уголек дело знакомое, а вот про живицу раньше не слышал.

Обмакнув палец в угольную крошку, я прошелся по деснам и прополоскал рот. Толкнул вверх медный шпенек рукомойника. Ледяная струя окончательно смыла остатки сна. Я растерся жестким льняным рушником, осторожно обходя повязки, и пошел в дом за Олегом.

У печи, гремя ухватами, хлопотала Пелагея Александровна. За столом, набросив на широкие плечи суконный чекмень, сидел крестный. Из своего угла, кряхтя, поднялась бабка Акулина. Она зыркнула на Олега, тот уже шмыгнул мимо нее к лавке.

— Чего завертелся, егоза? Пошто Андрея ни свет ни заря поднял?

— Матушка, кто же службу нести будет? — усмехнулся крестный. — Некогда бока отлеживать, дел полно.

— Какая ему служба-то, Степан? Ты глянь, он же еле живой до нас добрался, прости Господи.

— Никто Андрея сегодня на коня сажать не собирается. Только к Денису Ивановичу все ж сходить надобно.

Бабушка перевела взгляд на меня.

— Ну, слава Богу, одна ночь, гляди, уже и на человека стал похож. Садись к столу, чего стоять-то. Вон Олег наш не зевает.

— Спаси Христос, Акулина Никитишна, — я почтительно поклонился всем домашним и сел на лавку.

Крестный мне подмигнул.

Посреди стола в глубоком глиняном горшке парила сдобренная маслом пшенная каша. Я отломил ломоть каравая и спросил:

— Степан Анисимович, я во дворе колоду приметил. То, что ножи да топоры метаете, дело понятное. А стрелы откуда? Неужто из лука стреляете?

— Глазастый ты, — усмехнулся крестный. — Ножи метать это я Олежку приучаю, а стрелы уж его баловство.

Он кивнул на сына.

— Наслушался баек про времена Ермака, да у гольдов-охотников насмотрелся. Поверье у них есть: ежели первого зверя не пулей взять, а стрелой, удача охотничья и воинская с тобою на всю жизнь останется. Вот он и стругает себе палки, хан уссурийский.

Олег не смутился, только усмехнулся. С самоиронией у него, похоже, все было в порядке.

— Андрей, а скажи... Правда, что ты с маньчжурами в рукопашную сходился? Страшно было, когда они на катер лезли? — вдруг спросил он.

— Было дело. Да особо рассказывать не о чем. А страшно, конечно, было. Много их на нас тогда несло, на всех свинца не хватало.

— Отставить пустой треп! — осек его Степан Анисимович и нахмурился. — Ешь давай, не мели языком лишку.

Олег зарделся и принялся работать ложкой. Крестный озвучил план на день:

— Как поснедаем, дуй к фельдшеру Юдинцеву на перевязку. Потом ступай в станичное правление.

Он окинул взглядом мою рубаху и покачал головой.

— Только в таком виде по станице шастать не след. Олег, дай пока брату свою справу.

Крестный снова посмотрел на меня:

— Пока в этом походишь, а там закажем по размеру. Сначала с Огородником переговорить надо.

Я переоделся в бешмет и шаровары. Одежда была чистая, Олегу шитая на вырост, потому пришлось мне почти впору. На голову надел черную папаху с темно-зеленым суконным донцем, затянул ремень, натянул ичиги. Видок получился тот еще, но уже не оборванец. После тряпья, в котором я ступил на этот берег, и это было почти роскошью.

Во дворе бабка Акулина, повязав голову темным платком, колдовала над грядками. Татьяна носилась с лубяным решетом, полным зерна. Кормила кур, утят и гусей, особенно яростно отгоняя самых наглых от пернатой молодежи. На одного гусака, норовившего ущипнуть

ее за босую ногу, девчушка прикрикнула так звонко, что тот отпрыгнул в сторону, захлопав крыльями.

Я спустился с крыльца и направился к конюшне. Олег сидел на чурбаке, зажав коленями пересохший кожаный хомут, и усердно натирал его жиром.

— Благодарствую, Олег. Одежда села тютелька в тютельку, словно под меня шили.

— Добре, Андрей, носи. Только ты в ней хунхузов резать не собирайся. Я ее еще сам толком не успел походить.

— Ежели соберусь, мясницкий фартук прихвачу, чтобы кровью не заляпать, — отшутился я. — Ладно, к вечеру увидимся. Лук-то покажешь?

— Конечно! — Олег подорвался и уже шагнул куда-то вглубь конюшни.

— Да погоди ты, это вечером. Мне же к фельдшеру пора.

Станица Лончаково жила обычной жизнью. Я шел один по широкой, еще не просохшей улице. Навстречу попадались казаки верхом, еще были две телеги. На меня оглядывались с любопытством, здоровались, но вопросов не задавали.

Подворье станичного фельдшера Юдинцева я узнал издалека. Во дворе была суматоха. У распахнутой калитки стояла телега, запряженная взмыленной кобылой. Еще на подходе я расслышал могучий петровский загиб и невольно вспомнил боцмана с «Костромы» во время шторма.

Я ускорил шаг, взбежал на крыльцо и заглянул в открытую дверь.

Прямо на полу, на окровавленной дерюге, лежал бледный человек. Правая штанина располосована, из глубокой рубленой раны на ноге толчками била кровь. Артериальное кровотечение. Я понял это сразу. Вернее, понял, что в этом разбираюсь.

Двое казаков топтались рядом в растерянности. Сам Роман Васильевич судорожно пытался наложить тугую повязку, прикрывая рану сложенной в несколько слоев тряпкой. Но кровь мгновенно пропитывала ткань и струилась по его пальцам.

— Держи его! Ногу держи, говорю, бьется же! — кричал фельдшер.

Раненый истекал кровью, и времени на раздумья не было. Юдинцев пытался перетянуть бедро выше раны кожаным ремешком, скручивая его палкой. Но повреждение, похоже, ушло к самой паховой складке, и кровь продолжала хлестать.

Я шагнул вперед, упал на колени рядом с раненым. Память Добрецова пришла вовремя. «О, это что-то новенькое. Ну давай, подсказывай, авось спасем».

— Роман Васильевич, дозволейте подмогну!

Не дожидаясь ответа, я отстранил руку опешившего фельдшера. Рана действительно была высоко, почти у паха. Скрутка тут не поможет. Я сместил ладонь выше, уперся кулаком в живот мужика, чуть левее пупка, и с силой вдавил вглубь, навалившись всем весом.

— Ты что творишь, кишки же выпустишь ему! — крикнул Роман Васильевич, пытаясь оттолкнуть меня за плечо.

Но в тот же миг алый фонтан из раны иссяк. Пережатая у самого позвоночника брюшная аорта остановила кровь. Раненый застонал и обмяк. Фельдшер устался на рану, потом перевел на меня ошалелый взгляд.

— Ты... как это? — выдохнул он. Потом спохватился: — Держи, выюнош! Ради Христа, держи так, не отпускай!

Схватив пинцет, он выудил конец разорванной артерии. Роман Васильевич ловко накиннул на него петлю из шелковой нити, намертво затянул узел на сосуде, а затем, подхватив иглу, принялся быстро ушивать разорванные мышцы.

— Готово! — наконец выдохнул фельдшер, отрезая нить. — Отпускай помалу, проверим. Я медленно ослабил нажим. Рана оставалась почти сухой. Кровотечение остановилось.

Когда раненого, как выяснилось, лесоруба, перенесли на топчан в соседнюю комнату, Юдинцев наконец занялся мной. Снял старые повязки, осторожно обработал раны.

— Ишь ты... Как понял, где давить надо? — бормотал он, протирая пинцет. — Спас ты его, паря. Еще б пара минут, и все.

— Да это... случай у нас в Новой Москве похожий был. Там доктор наш, из Петербурга, Лапшин Федор Анциферович, и не такие пируэты выписывал.

— Смотрю, заживает хорошо, — поставил он свой вердикт. — Как ты сказал? Новая Москва? Та самая, что в Абиссинии?

— Верно, Роман Васильевич. А вы откуда про то знаете?

— В газетах писали. Месяц назад читал. К нам они, конечно, с запозданием приходят, но и то связь с большой землей. Ты, Андрей, особо никому про то не рассказывай. Много там нехорошего понаписали про Ашинова. Раз выбрался из этой мясорубки, значит, Господь тебе еще один шанс дал. А Новая Москва нынче не в почете. Но послушать из первых уст мне крайне интересно.

— Если интересно, обязательно расскажу, — улыбнулся я.

— Хорошо. Про мазь не забывай.

Поблагодарив эскулапа, я натянул бешмет и вышел со двора.

Степана Анисимовича я встретил у входа в станичное правление.

— Ты где это уже изгваздался так? — он указал на рукав бешмета.

«Твою ж... Обещал же Олегу не пачкать».

Видать, когда артерию зажимал, кровью и обляпался.

— Да у Романа Васильевича изгваздался, — развел я руками.

— Вон кадушка с водой стоит. Сходи оботри, пока не присохло, не то потом замаешься.

Я кое-как отмыл следы крови и отряхнулся. Крестный все это время стоял рядом.

— Давай сядем. Немного обсохнешь, а заодно расскажешь поподробнее, как сюда добрался. И про хунхузов тех, а после я к атаману зайду.

Мы присели на скамью. Я выложил Степану Анисимовичу свою историю. Не в мельчайших подробностях, только главное, иначе быстро бы не вышло. Выдал ту часть, что стала официальной легендой: путь от Африки до Владивостока, «Кострома», Раздольное, катер, китайский берег. О службе дядьки Аркадия Игнатьевича благо разумно умолчал, назвав его торговым представителем Доброфлота. Про Уссури и хунхузский импань рассказал в деталях.

— Значит, старый лаода убит, — пробормотал крестный, теребя ус. — Теперь у них новый вожак, Чжан Фэн?

— Да. И людей они много потеряли после стычки с другой бандой.

— Добре. Пойду в правление.

Крестный зашел к Денису Ивановичу один, попросив меня обождать на крыльце. Через приоткрытую створку окна до меня долетела часть их разговора.

— Да кто ж нам такое дозволит-то в открытую, Степан?

— В открытую никто, — усмехнулся крестный. — А если взять десяток пластунов и все по-тихому сделать? Ночью придем да вырежем импань под корень, пока бандитов не шибко много. Иначе, Денис Иванович, они новых наберут и опять начнут безобразить. А кто там отметился, потом попробуй разбери. Эти банды промеж собой режутся постоянно.

— Не кипятись, Степан. Бумага губернатору только вчера ушла. Ответ дожидаться нужно, чтобы дров не наломать. Как ты все и описал, дело рискованное. Вскроется, шапки у всех полетят. Вот если они на наш берег сунутся, тогда другое дело. Потому можно подумать, как им приманку подсунуть. А там и поквитаться, глядишь, получится.

— Тоже дело, — согласился крестный. — Надо покумекать.

— Приговор вчера со стариками состряпали, печать свою поставил. — веско обрубил Денис Иванович, — поэтому ты давай с крестником побыстрее в Козловскую обернитесь. Дел у тебя и в Лончаково хватает, а ему с документами решать нужно.

— Добре, Денис Иванович. Надеюсь, дня за два управимся.

Крестный вышел из правления задумчивый. Мы направились на окраину станицы. Там, на утоптанном пустыре, местном плацу, собиралась учебная команда.

Степан Анисимович велел мне посидеть в теньке, а сам на ходу из заботливого дядьки превратился в строгого вахмистра. Над пустырем разнесся его раскатистый голос.

Увиденное я невольно сравнил со сборами малолеток в Червленной. Там в учебной сотне было почти полторы сотни сабель. А тут станица крохотная, от силы полтора десятка парней подходящего возраста. Зато каждому Степан Анисимович мог уделить внимание, и филонить не позволял.

Примерно через час он загонял парней в хвост и в гриву, затем скомандовал передышку. Казачата, тяжело дыша, потянулись к бочке у ограды воды испить. Меня тоже заметили, перешептывались, бросая любопытные взгляды. Вчера многие видели, как «Сунгача» приставала к берегу и как я в рванье спустился на пристань.

Наконец двое направились ко мне. Один сухощавый, рыжий, с конопатым лицом. Второй, наоборот, плотный, крепкий, с курчавым чубом.

— Здорово живешь, — первым подошел рыжий и протянул руку. — Я Саня Меренский. А это Илюха Бортеньев. Слыхали, ты аж с Кубани к Кравцовым приехал. А еще говорят, у хунхузов в плену побывал. Брешут, поди?

— Слава Богу, братцы, — я спрыгнул с ограды и пожал руку. — Андрей Громов. Не брешут. Было такое, верстах в двадцати отсюда.

— И как ушел? — басом подал голос Илья. — Они ж, нехристи, говорят, глумятся над пленниками.

— Есть такое. Но нам случай помог, — спокойно ответил я, не вдаваясь в подробности. — Просто повезло.

— Ишь ты, «повезло», — раздался насмешливый голос за спиной Меренского.

К нам протиснулся рослый, плечистый казак лет восемнадцати, с проклевывающимися усами.

— Вы на руки его гляньте, братцы. Он, поди, и шашку-то никогда не держал. Хунхузы его, видать, сами отпустили, чтоб не ныл там. Неужто только языком молоть и можешь?

Вокруг повисла тишина.

Я прищурился, разглядывая новое лицо. Степан Анисимович стоял шагах в двадцати. Он прекрасно слышал задиру, но даже не собирался вмешиваться. И правильно делал. Авторитет среди молодежи мне самому зарабатывать надо.

Я перевел спокойный взгляд на рослого дурня.

— Могу и языком. Но им одним много не навоюешь. А если сомнение в словах моих имеешь, можешь прогуляться к тем хунхузам. Я тебе подробно объясню, куда идти.

Задира такого ответа явно не ждал и на миг оторопел.

— Да полно тебе, Прохор, — вполголоса вмешался Сашка Меренский. — Чего пристал к Андрею? На раны его погляди.

— Добре, — не унимался Прохор. — Давай проверим, каков ты в деле. Небось на Кубани чему-то да научился.

Он достал из ножен на поясе метательный нож и кивнул в сторону кедра, к которому был приколочен щит.

— С пяти шагов в яблочко попадешь? Или только языком чесать умеешь?

Прохор зыркнул на парней, сделал пять размеренных шагов от кедра и почти без замаха послал нож вперед.

Клинок повернулся в воздухе и с плотным стуком вошел точно в центр щита, где углем был нарисован круг размером с ладонь. По плацу прошел одобрителный гул. Прохор выдернул клинок и протянул мне.

— Нож метать тебе раны не помешают? Давай, покажи, чего стоишь.

Я молча взял нож, взвесил на ладони. Клинок сбалансирован неплохо. Шагнул к отметке, вскинул руку. Рану на груди потянуло, но терпимо. Темный круг на щите встал перед глазами. Расстояние левое. Три оборота клинка.

Я понимал, что могу всадить его ровно в центр. Но зачем? Чтобы уязвить самолюбие в первый же день знакомства?

До встречи с дядькой Аркадием я, наверное, так бы и поступил. Но после случая на «Костроме», когда в горячке ударил ротмистра, стал думать раньше, чем махать руками. И тут лишнее внимание было ни к чему.

В момент броска я чуть увел кисть вправо. Лезвие с глухим стуком плашмя ударило в щит, звякнуло и отлетело в траву.

Проخور победно ухмыльнулся, но промолчал. А Сашка Меренский хлопнул меня по плечу.

— О! Наш человек! Не тужи, братец. Я уж год как пытаюсь, а все больше в белый свет как в копеечку. Научимся!

Парни одобрительно загомонили, и напряжение рассеялось.

— А ну смирно, желторотики! — рявкнул крестный. — Развели балаган, словно на ярмарке!

Малолетки мгновенно вытянулись и построились. Степан Анисимович обвел их взглядом и зыркнул на меня.

— А тебе, Громов, отдельный приказ нужен? На плацу у меня все равны. Раненый или крестник, без разницы. Ты в учебную команду еще не зачислен, оттого оружие хватать права не имеешь.

Он развернулся к строю:

— По местам! Коли силы лишней много, берданки в руки и три малых круга по-пластунски. Марш!

Парни дружно сорвались с места, а я остался наблюдать за ученьем. То, что поблажек не будет, я уже понял.

Солнце клонилось к вершушкам сопок, когда мы вернулись домой. Степан Анисимович умылся у рукомойника и изложил план на завтра:

— На рассвете выезжаем в Козловскую, Андрей. Здесь, в Лончаково, я тебе только временные бумаги выправить смог, а этого мало. Чтобы тебя в учебную команду внесли да на довольствие поставили, к окружному начальству надо. Заодно на телеграфе весточку дядьке Аркадию отбить сможешь.

— Вдвоем поедем? — уточнил я.

— С нами еще Макар Завьялов пойдет. Я тебе про него говорил.

Мы повечеряли. Степан Анисимович вышел на крыльцо, неспешно набивая табаком трубку. Я присел на ступеньки рядом, вдыхая прохладный вечерний воздух.

Со стороны улицы послышался дробный перестук копыт. У калитки спешился Юдинцев Роман Васильевич.

— Здорово вечеряли, Степан Анисимович, Андрей! — бросил он, подходя ближе, и уставился прямо на меня. — Слушай, Андрей, лесоруб тот живой остался. Уже в сознании. Я твою методику зафиксировал, и вот, держи. Это тебе.

Он открыл кожаный саквояж и протянул мне тяжелый сверток. Я развернул холстину. Внутри лежал хороший охотничий нож в кожаных ножнах. Сталь тускло блестела в сумерках, деревянная рукоять заканчивалась набалдашником в виде копыта какого-то зверя. Лося, кажется, или изюбря. В руке нож лежал отлично.

— Лесорубы просили передать, — улыбнулся Роман Васильевич, глядя, как я разглядываю подарок.

Крестный приподнял бровь и перевел взгляд с фельдшера на меня.

— Ты чего там учудил, Андрей?

— Да так, ничего особенного, Степан Анисимович. Помог кровь остановить.

— Ну, бывайте тогда. Мое почтение, — улыбнулся Юдинцев и откланялся.

Из конюшни вынырнул Олег. В одной руке он сжимал лук, выструганный из гибкого тальника, в другой две стрелы с гусиным оперением.

— Ну что, Андрюха? — глаза у него азартно блестели. — Пойдем постреляем, как сговаривались?

— Темно уже, долго не задерживайтесь, — сказал крестный, выбивая трубку о перила. — Утром чуть свет в Козловскую ехать. Выспаться надо.

Степан Анисимович ушел в курень. Из приоткрытой двери доносились голоса тетки Поли и Акулины Никитишны. Они собирали нам харчи в дорогу.

Мы с Олегом подошли к колоде. Он встал боком, наложил стрелу на тетиву. Натянул и плавно отпустил. Глухой хлопок, и стрела вонзилась в дерево, примерно на ладонь от центра.

— Эх, малость снесло, — с досадой выдохнул Олег.

— А ну-ка дай и мне попробовать.

Олег передал мне лук и вторую стрелу. Едва пальцы сомкнулись на рукояти, как снова отозвался Добрецов. Теперь я уже понял почему.

Оказывается, дело это он любил. Даже первый юношеский разряд по стрельбе из лука имел. Моя ладонь словно сама вспомнила правильный хват.

Я потянул тетиву и едва сдержал улыбку. Для меня этот лук казался детской поделкой. Натяжение было слабоватое, плечи выгибаются неровно. Доработки он требует тщательной, а лучше бы новый сделать. Да и дерево выбрано не самое удачное. С таким луком только ворон пугать.

Вслух я Олегу, конечно, этого не сказал.

— Вот что, братец, — произнес я, проверяя стрелу на баланс. — Если выйдет, то раздобудь рога изюбря или сохатого. Еще рыбьего клея и сухих жил хорошо бы, лучше со спины лося. Будем с тобой кумекать, как лук до ума довести.

Олег удивленно на меня глянул, согласно кивая, стараясь мою просьбу.

Я встал на изготовку. Левую руку вытянул вперед, правой плавно потянул тетиву к подбородку, ближе к уголку губ. Дыхание замерло на полувыдохе. Взгляд намертво прилип к цели. Пальцы расслабились и чисто выпустили тетиву.

Треньк.

Тетива хлестнула по рукаву. Стрела со свистом влетела в дерево, попав точно в цель.

— Вот это да... — Олег восхищенно потер затылок.

Я опустил лук и шагнул к колоде, чтобы выдернуть стрелу.

Но едва рука потянулась к древку, как донесся переливистый свист рябчика.

Вот только солнце уже скрылось за сопками. А по ночам в тайге рябчики не поют.

Глава 7. Гостинцы для Любаши

Я выдернул стрелу из колоды, наложил хвостовик на тетиву и натянул, уперевшись ногами в землю. Направил в темноту, туда, откуда неизвестный заливался рябчиком.

— Олег, быстро в избу, — процедил я. — Зови батю. Чую неладное. Поспешай!

Но тот даже не шелохнулся. Краем глаза я заметил, как вытянулась от удивления его физиономия.

— Ты чего, Андрей? Сбрендил? — шепотом отозвался он. — Какие чужие? То ж Сашка Меренский!

Олег полез в карман шаровар, выудил маленькую костяную свистульку и, прижав к губам, выдал такую же трель. Из-за плетня тут же прилетел ответный посвист.

За забором шевельнулись кусты, и показалась вихрастая голова Меренского. Я медленно опустил лук, снял стрелу с тетивы и только тогда выдохнул. Вот же ж черт, чуть не продырявил его. Еще бы миг, и беда случилась бы.

Мы с Олегом подошли ближе. В темноте блеснули зубы улыбающегося Сашки.

— Здорово вечеряли, братцы! — весело сказал он. — Я уж думал, вы давно дрыхнете. А тут иду мимо, слышу: Олег опять наиграться со своим луком не может.

— Тебя, Саня, Андрей сейчас чуть не продырявил.

Меренский перевел взгляд на меня и тихо рассмеялся.

— Да не бойсь, Олег, в темени-то поди не попал бы. Хотя... кто вас знает? Ты же сегодня, когда с Прохором нож метал, нарочно промазал? Я это сразу углядел.

Я не стал ни отрицать, ни подтверждать. Только улыбнулся.

— Чего хотел-то, Саня? — спросил Олег, пряча манок в карман. — Батя велел спать ложиться. Они завтра с Завьяловым в Козловскую на рассвете едут.

— Вот потому и пришел! — Сашка оживился и перевел просящий взгляд на меня. — Слыхал я про Козловскую. Подсобишь мне в одном деле, Андрей?

Он пошарил за пазухой чекменя и протянул мне небольшой холщовый сверток, аккуратно перевязанный ниткой.

— Зазноба у меня там есть, Любка Агафонова, дочка тамошнего урядника. Передай ей гостинец от меня.

— Дело нехитрое, передам. А на словах что сказать? — взял я сверток.

— Скажи, что скоро свидимся, — прошептал Сашка. Даже в сумерках уши у него, кажись, покраснели. — На Троицу приеду, пусть ждет.

— На Троицу, значит? Добре. Только станица большая, поди. Где я твою Любку искать буду? Я там ничегошеньки не знаю.

— Да о том не думай. У Степана Анисимовича спроси. Он Агафоновых знает, двор покажет. Батя у нее строгий, так что постарайся, чтобы он тебя не приметил.

— Не бойсь, как-нибудь сделаю.

— Благодарствую, братцы! — Сашка пожал мне руку. — И, Андрей, как обернешься, давай с нами. Мы тут на выгоне в лапту гоняем. С Олегом приходи, коли желание будет.

— Обязательно придем! — обрадовался Олег.

— Ну, бывайте! — Меренский махнул рукой и скрылся в темноте.

— Пошли спать, — я легонько толкнул Олега в плечо, возвращая ему лук.

Утро выдалось прохладным. Все низины заполнил густой туман.

Пелагея Александровна поставила на стол горячие лепешки и крынку парного молока. В дорогу сунула нам подорожников, яйца, шмат сала и еще что-то положила в котомку.

Я собрался быстро. Примерил отцовскую португею, повесил на пояс вчерашний подарок лесорубов и вышел во двор. Олег уже выводил к воротам двух забайкальских лошадок.

— Здорово ночевали, Анисимыч! — раздался низкий голос, и к нам приблизилась тяжелая поступь копыт.

— Слава Богу, Макар, мы уж готовы, — отозвался крестный, подтягивая подпругу.

У калитки, верхом на мохнатом мышастом мерине, сидел Макар Завьялов. Вместо форменного чекменя на нем был зипун из грубо выделанной кожи. Сухощавый, жилистый казак. Обветренное лицо пересекал шрам от виска до подбородка. Из-под папахи, надвинутой на самые брови, Макар разглядывал меня с интересом.

— Это, стало быть, крестник твой кубанский? — он кивнул в мою сторону. — Ну, поглядим. На реке слышал, он не оплошал.

— Не оплошал, Макар. Трогаем, путь неблизкий, — ответил крестный.

Я привычно вскочил в седло, подобрав повод. Гнедой чуть качнулся подо мной, переступил копытами и замер. Давно в седле не сидел, но навыки, вбитые батей с детства, никуда не делись.

— Сразу видать, Василий тебя выучил хорошо, — одобрительно кивнул крестный.

Мы пустили коней рысью и скоро оставили Лончаково за спиной. Дорога на Козловскую шла по тайге. Туман еще не рассеялся, видимость была ни к черту.

Снег сошел давно. На открытых местах земля подсыхала, но в низинах грязи хватало. Ручьи, петляющие между сопками, превратились в бурные речушки. Гнедой то и дело увязал по бабки, всхрапывал, прядал ушами. Но когда я стал идти по следу Завьялова, то почти перестал попадать в грязюку.

Макар знал этот путь как свои пять пальцев. Где надо, сворачивал в чашу, обходил вывороченные деревья, находил броды через разлившиеся ручьи и снова выводил нас на дорогу.

Верст через десять Макар поднял руку, осаживая коня. Молча спешился, бросил поводья на луку седла, прихватил моток тонкой стальной нити и нырнул в заросли.

— Чего он там углядел? — вполголоса спросил я.

— Звериная тропа, — тихо ответил крестный. — Макар даром время не теряет. Сейчас пару петель поставит, а на обратном пути проверит. Глядишь, со свежатиной вернемся в Лончаково.

Завьялов появился минут через десять. Бесшумно вынырнул из кустов, отряхнулся и вскочил в седло.

— Наследили тут манзы, — мрачно бросил он, когда мы снова тронулись. — Чужие силки снял. Точно хунхузы поставили. Совсем страх потеряли, за Уссури шастают как к себе домой, Анисимыч.

— Женьшень, может, ищут? — нахмурился крестный.

— Кабы так, — Завьялов сплюнул в траву. — Корень сейчас только в рост пошел, рано его собирать. Тут другое. Думаю, они тигра выслеживают. Вчера на Черном ключе лежку нашел. И кровь на траве была. Видать, ранили зверя, но не добились.

Макар повернулся ко мне:

— Знаешь, Андрей, что манзам от тигра надо?

— Шкура, наверное?

— Шкура тоже, только не она главное. Им кости нужны. Варят из них свои снадобья. За костяк китайские купцы золотом платят. Вот хунхузы и лезут к нам. У себя-то, почитай, всех давно извели.

— На Черном ключе, говоришь? — спросил Степан Анисимович. — Раненый амба дел натворить может. Бывало уже. На человека обозлится, за легкой добычей двинет, скот начнет таскать, а то и на людей кинется. По-хорошему прочесать там все надо.

— Вернемся из окружной, займусь, — кивнул Макар.

К полудню тайга наконец расступилась. Дорога пошла под увал, открывая широкую долину Уссури. Впереди показались крыши Козловской. По сравнению с Лончаково, растянутым вдоль берега одной широкой улицей, окружной центр выглядел основательно.

Куреней здесь было под сотню, несколькими ровными порядками. Имелись и казенные здания: почтово-телеграфная контора, провиантский магазин, соляной склад, винная лавка. За глухим забором виднелся бревенчатый цейхгауз, у реки разгружали пароход. Под звон колоколов Николаевской церкви мы въехали в станицу.

— Макар, ты по своим делам ступай, а мы пока бумажной волокитой займемся.

Оставив коней у коновязи, мы вошли в здание окружного правления. Табачный дух смешался с запахом чернил, сургуча и типографской краски. Канцелярией пахло, одним словом.

За дощатыми перегородками, среди вороха бумаг, возились три писаря. Урядник Семен Иванович сидел за крайним столом. При виде крестного он тут же приподнялся и отложил журнал.

— Здравия желаю, господин вахмистр! Какими судьбами в округ?

— Здорово был, Семен Иванович. Дело важное имеется, — крестный кивнул на меня. — Вот, принимай. Мой крестник с Кубани к нам в Лончаково переехал, да беда по дороге случилась. Катер, на котором он по Уссури шел, хунхузы в засаду заманили. Побили там почитай всех, Андрей только с Божьей помощью выбрался.

Семен Иванович приподнял бровь, разглядывая меня, и кивнул: мол, продолжай.

— Документы, да и все, что при нем было, в импане остались. Теперь надо их восстановить, чтобы в учебную команду зачислить и пай земли выделить. Приговор лончаковского схода имеется.

Крестный выложил на стол лист, заверенный печатью и подписью атамана Огородника. Урядник изучил документ, почесал затылок и отодвинул лист в сторону.

— Да мы тут уж наслышаны о той истории. Выходит, это один из тех двоих, что уцелели на катере купца Фролова? Ну дела...

Он задумался.

— Знаешь, Степан Анисимович, рад бы помочь, но быстро сам ничего не решу. С таким делом вам напрямик к окружному атаману надо, к Петру Петровичу. Пойдем сразу, пока он на месте.

Семен Иванович постучал в тяжелую дубовую дверь и, приоткрыв ее, доложил о нас.

Кабинет окружного атамана был просторным, но прокуренным до рези в глазах. За массивным столом сидел Петр Петрович Эпов, крепкий жилистый казак лет пятидесяти с загорелым лицом и шикарными усами.

— Здорово дневали, Петр Петрович, — поприветствовал его крестный.

— Слава Богу, заходите, — пробасил Эпов, отодвигая бумаги. — Как там Денис Иванович поживает?

— Все путем-чередом.

— Ну рассказывай, с чем пожаловал.

Крестный начал повторять историю, которую минутой раньше выложил уряднику.

— Стало быть, это и есть твой крестник?

— Так точно, господин атаман, Громов Андрей Васильевич! — вытянулся я.

— Да не тянись так, Андрей Васильевич, — чуть хмыкнул Эпов. — Хорошо, что сами явились, Степан. Я уж собирался за твоим крестником нарочно посылать. Дело вышло нехорошее, оформить все требуется как следует. Приговор из Лончаково имеется?

— Так точно, Петр Петрович, — крестный положил документ на стол.

— Значит, рапорт от Огородника и бумага от лейтенанта Сапожникова с «Сунгачи» уже у меня. И уйдут они в Хабаровку не казачьей эстафетой, а на пароходе, что сейчас аккурат под разгрузкой стоит.

Крестный шагнул вперед:

— Петр Петрович, парня надо бы приписать по-людски. Документы все сгинули, я за него головой ручаюсь. Ему в учебную команду пора.

Эпов усмехнулся:

— Будет тебе, Степан. Я тебя давно знаю. Но гляди, отвечать за этого выюношу тоже тебе придется.

— Так точно, господин атаман, — не моргнув глазом, ответил Степан Анисимович.

— Угу, — Эпов кивнул уряднику, замершему у дверей. — Давай, Семен Иванович, оформляй Громову бумаги.

Крестный повернулся ко мне:

— Ступай, Андрей, с урядником, оформляйся. А мне Петру Петровичу кой-чего с глазу на глаз рассказать нужно.

Эпов коротко кивнул.

Я вышел вслед за Семеном Ивановичем и притворил тяжелую дверь. Судя по всему, крестный решил доложить атаману про хунхузский импань. Наверняка хотел посоветоваться, как с ним быть и как при этом самому по шапке не получить. Но о чем они там говорили, оставалось только догадываться.

Мы вернулись к столу. Семен Иванович уселся, придвинул лист гербовой бумаги.

— Слушай порядок, кубанец, — глянул он на меня и продолжил уже приказным тоном. — Сейчас я напишу официальный запрос и отправлю в Хабаровку. Оттуда он уйдет в Благовещенск, а потом на Кубань. Там сверят по ревизским сказкам, что ты не в бегах да в уголовном сыске не состоишь. На этот срок выдам временный проходной билет. Справка о выяснении личности, но с ней из округа пока никуда не суйся.

— И долго эти бумаги туда-сюда мотаться будут?

Семен хмыкнул, бережно выводя строки.

— Долго. Полгода, а то и поболее.

Я взял плотную бумагу.

— А учебная команда? Довольствие как же?

Урядник ухмыльнулся:

— Губа, гляжу, у тебя не дура. Пока бумаги не выправятся, придется ждать. Степан Анисимович поди прокормит. И еще: оружие, пока личность твоя полностью не подтверждена, носить ты права не имеешь. Про огнестрельное говорю. Если с винтовкой какой разъезд тебя встретит, то вправе будет арестовать. Понял ли?

— Понял, — вздохнул я, убирая проходной билет за пазуху.

В этот момент подошел Степан Анисимович с задумчивым лицом.

— Семен Иванович, прекращай мне крестника стращать. Все сделаем по закону. Пошли, Андрей. Дела у нас еще имеются. Надо в церковь, на почту и на базар успеть.

Оставив коней у правления, мы пошли к деревянной Николаевской церкви. Стояла она на увале, выделяясь среди других строений потемневшим от времени лиственничным срубом. Мы переступили порог, и крестный направился к аналою. Там стоял батюшка, уже в годах, с седой окладистой бородой, в черной рясе.

— Благословите, отче, — Степан Анисимович чинно поклонился.

— Бог благословит, Степан, — отец Филарет привычным движением перекрестил крестного. — Какими судьбами в округе? Все ли здоровы в Лончаково?

— Слава Богу, батюшка, все живы-здоровы, — Степан Анисимович выложил на сукно несколько монет. — Вот от Дениса Ивановича Огородника тебе поклонение. Просил помянуть рабу Божью Марию. Да в станицу к нам зовет, заждались мы вас в Лончаково.

Отец Филарет тяжело вздохнул:

— Нехай Денис Иванович не кручинится. Помяну как положено. А в Лончаково к вам к концу июня выберусь, если Бог даст.

Он заметил меня у входа и вопросительно глянул на Степана Анисимовича.

— Крестник мой, отче, с Кубани приехал. Теперь в Лончаково осядет.

Крестный махнул мне рукой. Отец Филарет благословил и меня.

— Лицом ты юн, Андрей, — тихо произнес он, — а глаза уже не юнца. Многое, похоже, пережить тебе довелось. Давно ли исповедовался, сын мой?

— Давно, батюшка, — тихо ответил я.

Отец Филарет кивнул и посмотрел на крестного.

— Оставь нас, Степан. Пойди помолись покамест.

Степан Анисимович поклонился, отошел к иконе Николая Чудотворца и замер спиной к нам. Я опустился на колени у аналая. Батюшка набросил мне на голову ленту епитрахили.

От него я почти ничего не скрывал. Рассказал, как за несколько месяцев в боях пришлось много врагов побить. Про память Добрецова, что появилась в Сагалло, говорить, конечно, не стал. Пока не стал. Отец Филарет слушал, не перебивая.

— Гнев праведный от ярости слепой отличить трудно, — тихо произнес он. — Оружие дано воину, чтобы слабых защищать, а не душу свою калечить гордыней да жестокостью. Сердце свое слушай, Андрей. Человека убить недолго, в бою такое случается. Главное, чтобы сердце твое не черствело и человечность в душе оставалась.

Батюшка замолчал, положил руку мне на затылок поверх епитрахили и прочитал разрешительную молитву, отпуская грехи. Напоследок я приложился к лежащим на аналое кресту и Евангелию.

— Ступайте с Богом, — напутствовал священник подошедшего Степана Анисимовича. — Будьте здоровы, а панихиду по Марии я отслужу в срок.

После церкви мы дошли до почтово-телеграфной конторы. Крестный принимал у почтмейстера казенные пакеты и газеты на все Лончаково, а я заполнил бланк.

«В Хабаровку, до востребования, Ивану Сергеевичу Назарову. Прибыл, жив и здоров, крестного нашел».

Почтарь пересчитал слова, включая адресные, и назвал сумму.

— Двенадцать слов, шестьдесят копеек выходит.

Своих денег у меня не было. Крестный, не отрываясь от разбора писем, молча выложил серебряную полтину и гривенник. Телеграфист сгреб монеты и защелкал ключом аппарата.

Выйдя на шумную улицу Козловской, Степан Анисимович хлопнул меня по плечу.

— Идем на базар заглянем. Негоже в гости с пустыми руками возвращаться.

Я нащупал в кармане бешмета сверток, перевязанный ниткой.

— Степан Анисимович, дозволейте спросить. Где тут двор Агафонова? Он вроде как урядником служит.

Крестный удивленно поднял брови.

— Агафоновых? Знаю, отчего не знать. А тебе-то Игнат Агафонов на кой ляд сдался?

— Да вот просили кой-чего передать... Дочке его, Любове Игнатьевне.

Крестный остановился посреди улицы, сдвинул фуражку на затылок и расхохотался.

— Ох, Андрюха, едва приехал, а уже к дочке урядника дорожку торить начинаешь? Ну пойдем, покажу тот двор. Только смотри, как бы Игнат тебе за твои посылочки нагайкой по спине не перетянул.

Он указал вдоль улицы.

— Мне еще на базар надо, кой-какой струмент прикупить. А двор Игната вон там, в конце, с резными воротами. Иди, передавай гостинцы, а потом встречаемся у правления, у коновязи.

Двор Агафоновых был добротным: высокий забор, большой пятистенок под тесовой крышей, амбар и конюшня в глубине. Я подошел и постучал в калитку.

Через минуту внутри лязгнул засов. Створка приоткрылась, и на меня выглянула милотвидная румяная дивчина с толстой русой косой, перекинутой через плечо.

— Доброго здравия. Вам кого? — звонко спросила она.

— Доброго, красавица. Мне Любовь Игнатьевна нужна.

— Ну, я Люба, — смущенно потупилась девушка.

— Просили вам гостинец передать из Лончаково, — я достал холщовый сверток. — Сашка Меренский кланяться велел. Сказал, на Троицу в гости его ждите.

Щеки Любки вспыхнули. Она робко протянула руку за свертком, но тут дверь дома с грохотом распахнулась.

На крыльцо вышел здоровенный кряжистый казак в расстегнутом чекмене. Усы врозь, фуражка набекрень. Урядник Игнат Агафонов, похоже, собственной персоной.

— Это что тут за хороводы?! — рявкнул он. — А ну марш в дом! А ты кто таков будешь? В обход меня к Любке клинья подбиваешь?!

Люба исчезла в доме. Урядник быстро спустился с крыльца, на ходу снимая с пояса нагайку.

— Ну-ка сюда иди, женишок. Много тут таких крутится!

Нагайка засвистела в воздухе. По движению руки я определил направление удара и пятиться не стал. Шагнул вбок и вперед, чутка разрывая дистанцию. Нагайка прошла аккуратно рядом с правым ухом.

— Погодите дядька Игнат, — поднял я раскрытые ладони, — я к вашей Любе по случаю зашел, попросили меня ей гостинцы передать, так что с женихом вы поспешали.

Урядник замер и уставился на меня.

— Вон оно как... Ловкий ты, паря. Гляди, как ушел. А просильщику своему передай, чтоб сватов засылал, а не вот это все.

— Добре, передам.

— А сам-то, гляжу, не из пугливых. Чьих будешь?

— Громов Андрей, крестник Степана Анисимовича Кравцова из Лончаково.

— А-а... — урядник убрал нагайку за голенище. — Ну бывай, Громов. И больше девку мне смущать не надо.

Солнце уже клонилось к закату, когда мы тронулись в Лончаково. Ехали не спеша, обсуждая прошедший день. На полпути Макар натянул поводья.

— Тпру-у... Анисимыч, постойте тут покуда. Пойду петли утренние проверю.

— Давай, Макар, я с тобой схожу, — отозвался Степан Анисимович, спешиваясь.

— Андрей, за лошадьми пригляди. Вон к тому кедру кривому привязать можешь. Мы быстро.

Когда я привязал поводья к стволу, крестный и Макар уже скрылись в чаще. И тут моя чуйка забила тревогу. Стало слишком тихо. Только гнус монотонно зудел над ухом.

Гнедой тревожно всхрапнул. Следом запрядал ушами мышастый мерин Макара. Лошади занервничали, натянули поводья.

— Стоять, тихо-тихо, — попытался я их уговорить.

Но все три животины резко шарахнулись в сторону, кося глазами в кусты. Затрещали ветки, и из чащи, ломая кустарник, вывалились крестный с Макаром. Завьялов на ходу скинул с плеча тушку добытой в петле козы.

— Отвязывай лошадей, уходим! — крикнул крестный, сдергивая с плеча берданку.

Я кинулся к дереву, ухватился за натянутый повод. Гнедой попробовал подняться на дыбы, резко развернулся и сбил меня с ног крупом.

Поднимаясь, я уже понял причину и вытаскивал охотничий нож. Шагах в пяти, из темноты густых кустов, на меня уставились два блестящих желтых глаза.